

ДРУГИЕ МИРЫ

Мария Заболотская



РЫЖАЯ ПЛЕМЯННИЦА
ЛЕКАРЯ

Annotation

Говорят, что рыжие волосы – знак необычной судьбы. Но в жизни юной Фейн уже давно не случилось ничего необычного. Она всего лишь племянница бедного бродячего лекаря, которому не очень-то везет. Однажды Фейн и ее дядя оказываются в замке герцога Огасто, слухи о безумии которого будоражат всю округу. Лечить безумца – что может быть легче для дядюшки-шарлатана! Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. И романтичная Фейн даже не подозревает, насколько опасным может быть ее искреннее желание помочь то ли безумному, то ли заколдованному герцогу. Она не знает, что в его темнице томится страшный демон...

Мария Заболотская

Рыжая племянница лекаря

© М. Заболотская, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Незадолго перед началом таммельнской осенней ярмарки, аккурат в день преподобного Пинадольфа Мукомола, перед шильдой с названием города остановились двое путников – пожилой мужчина в выцветшем от скитаний плаще с капюшоном и невысокая, крепко сбитая рыжеволосая девушка в пестром наряде. Подол ее куцей юбки, едва прикрывающей икры сильных ног, давно превратился в лохмотья, однако короткая курточка все еще пыталась поразить сторонний глаз своей фальшивой роскошью: вышивка перемежалась блестками и яркими бусинами, а там, где не имелось россыпи дешевых бусин, непременно была нашита цветная бахрома или же шнуровка.

Любой встречный без особого труда смог бы заметить, что на левом локте уже красуется небрежная кожаная заплатка, и даже самый непроницательный наблюдатель догадался бы, что вскоре такая же появится на втором рукаве. Запыленная покوروبившаяся обувь путников свидетельствовала, что идут они издалека, а осунувшиеся от постоянного недоедания лица – что поход их начался довольно давно при весьма неблагоприятных обстоятельствах.

Они внимательно, не торопясь рассматривали приколоченные к столбу дощечки и обрывки пергамента с объявлениями, касающимися жизни городка. По тому, как сосредоточенно морщились их лбы, можно было сделать два вывода: во-первых, путники умели худо-бедно читать, несмотря на довольно потрепанный внешний вид, во-вторых – они искали среди множества предложений нечто вполне определенное.

– Глядите-ка, дядюшка Абсалом! – воскликнула девушка, заметно уставшая, но все еще подвижная (именно такой тип подвижности крайне вредит своему носителю), и ткнула пальцем в одну из дощечек. – Да у них здесь ярмарка на носу! Как мы с вами угадали-то!

Дядюшка в отличие от своей шустрой племянницы был человеком степенным и обладал на редкость философским выражением лица, что позволяло заподозрить его в склонности к мелкому жульничеству, а также в обладании житейской мудростью, которую не приобретешь сидя дома, покуривая трубку и поглядывая в окно. То был обыкновеннейший представитель мещанского торгового сословия, переживавший не самый благополучный период своей жизни. Круглое лицо его украшали порядком поседевшие длинные вислые усы, явно призванные придавать его физиономии недостающие простоту и миролюбивость, а на глянцевого лысине отражались солнечные лучи.

– Ярмарка – это хорошо, – задумчиво пробасил он, – там всегда найдется лишняя монетка, которая поправит наше бедственное положение. Городок вроде бы приличный, вон и крыши черепицей крыты, и столб этот недавно покрашен за счет городской казны... Значит, и народ на торг съедется со всей округи. Попробуем счастья...

Но рыжая девушка не успокоилась, грязный палец ее с обкусанным ногтем уткнулся в пергамент, уже порядком надорванный и загаженный птицами.

– Дядюшка! Послушайте, что тут написано! – она принялась читать по слогам, водя пальцем по едва различимым строчкам, и многочисленные дешевые браслеты на ее руке позвякивали в такт возбужденному голосу. – «Требуются опытные лекари, знахари и аптекари, сведущие в снятии сглаза и порчи, а также умеющие определять причины душевных недугов. Обращайтесь в дом герцога Таммельнского, где вас ждет щедрое вознаграждение в случае успешного итога работы». – Глаза девушки блестели, а голос был полон радостного волнения. – Дядюшка Абсалом, это же редкая удача! Аптекарь! Наконец-то

подвернулось занятие точно для вас! Да и в людской душевной организации вы необычайно сведущи, сами об этом сотню раз говорили... Пойдемте туда сегодня же!.. Быть может, нас наймет сам герцог Таммельнский! Мы будем жить в его доме, столоваться на герцогской кухне...

И она в умоляющем жесте сложила руки, огрубевшие от солнечных лучей, вольного ветра и прочих природных явлений, безо всякой жалости воздействующих на бродяг, не имеющих крыши над головой. Чумазое лицо девушки состроило крайне жалостливую рожицу, а ноги от нетерпения притоптывали на месте.

Ниже под пергаментом, прямо на свежеекрашенном столбе было нацарапано гвоздем «Герцог спятил!», а еще ниже – «Полоумный герцог – позор Таммельна!».

Дядюшка Абсалом покачал головой и с неодобрением прочитал еще несколько подобных изречений, украшавших столб. Они без обиняков указывали на то, кто именно в герцогском доме нуждался в услугах лекаря.

– Нет порядка в этом королевстве! – осуждающе произнес он. – В нашем благословенном Даленстадте не успел бы один такое нацарапать, как все остальные уже махали бы кирками в каменоломнях. А здесь власть не почитают, каменоломен нет...

И он горько завздыхал, с тоской вспоминая родные края, всегда издали кажущиеся вдвойне милее всяких иных. Затем, пошарив в кармане, достал оттуда небольшую горсточку дрянного зерна и со словами «Дух-покровитель города, не прогневайся на нас, прояви гостеприимство!» рассыпал его у столба – то был давний обычай, общий, наверное, для всех срединных королевств. Уж кто-кто, а бродяги о нем не забывали, помня, что их удача переменчива, а высшие силы – злопамятны.

– Дядюшка, ну пойдемте же к герцогу! Вы его быстренько излечите, а щедрую награду истратим на открытие новой лавки где-нибудь в столице! Давайте попробуем! – и девушка вцепилась в плащ мужчины, тараща свои большие синие глаза.

– Только через мой труп! – решительно ответил на эту пылкую речь дядюшка Абсалом и пошел прочь от шильды в сторону таммельнской городской стены.

Девушка от досады взвыла как дух, предвещающий по ночам преждевременную смерть, подхватила увесистую торбу, лежавшую в придорожной пыли, и поспешила за дядюшкой, который, надо заметить, шагал налегке. В сумке что-то стеклянно позвякивало, булькало и погромыхивало.

– Ну дядюшка! Ну миленький! – она забежала наперед своему широко шагающему родственнику и теперь пятилась, то и дело отступаясь. – Но отчего же? Неужто вам не опостылело бродяжничество по этой глухомани? Я в жизни своей не видела королевства гаже, чем эта проклятушая Лаэгрива! Одни пустоши, нищие крестьяне... И отвратительная овсяная каша каждый день – словно здесь и еды другой отродясь не видали! О, как я мечтаю о соломенном тюфяке без клопов, на котором можно сладко спать! – девушка закатила глаза, показывая, как истосковалась по чистым простыням. – С меня довольно сеновалов и чердаков! С тех пор, как мы покинули Даленстадт, положение наше становится все унижительнее с каждым днем, потому что денег удается заработать все меньше и меньше. Если мы пройдем еще немного на восток, то окажемся без единого медяка, а одеваться придется в мешковину и шкуры, точно варварам! Здешний герцог, должно быть, богат и знатен, у него отличная огромная кухня, полная кладовая и целая прорва слуг... Ну почему вы не хотите хоть на пару дней обрести покой и... и сытный обед от герцогских щедрот?!

Дядюшка Абсалом сохранял самое безразличное выражение лица. Его, казалось, не

тронули ни горячая речь юной родственницы, ни жалобное выражение ее лица, ни волнующие картины сибаритского существования в стенах дома герцога Таммельнского.

– Ты непроходимая дуреха, Фейн, – наконец соизволил ответить он. – Да смилуется провидение над твоей пустой головой – ты не умрешь своей смертью. Ну как можно только подумать о том, чтобы добровольно сунуть свою голову в пасть дракону? А ведь то, что ты предлагаешь, еще хуже!

– Дядюшка, сдается мне, вы преувеличиваете, – немного сбавила напор Фейн. – Да что сделает нам этот герцог?

– Герцог, предположительно страдающий душевным недугом, – бесстрастно уточнил дядюшка Абсалом. – Да что угодно! Повесит, к примеру. Или посадит на кол, ежели имеет склонность к аффектации.

– С какой стати?

– Если ему это взбредет в голову, то он объяснять нам не станет. Повесит – и все тут. Может, ему покажется, что тем самым он снимет свою порчу или развеет осеннюю ипохондрию, – старик пожал плечами. – Много ли сумел объяснить тот аптекарь из Пьента, где влюбленные по недоразумению отравились по очереди? Помнишь ту прошлогоднюю беду? Нет? А зря, вышла весьма поучительная история, всякому аптекарю нужно бы ее выучить назубок. Хорошо, если нас в итоге просто прогонят пинком под зад из этого города! Представь, что со мной сотворят, если я его не излечу? А если вдруг у герцога невпопад случится расстройство желудка и он решит, будто я его отравил? Да мою голову наколют на пику у городских ворот, не успеет он с ночного горшка встать!..

Фейн в унынии склонила рыжую лохматую голову, признавая, что спор выиграл дядюшка. Она умела принимать доводы разума если без благодарности, то хотя бы не упрямясь. Но дядя Абсалом распалился и продолжал развивать свою мысль, уже не обращая внимания на племянницу:

– Интересно, много ли народу пришло в дом этого умалишенного герцога в надежде хорошо заработать? И еще интереснее – многие ли покинули сей дом живыми? Да я голову даю на отсечение, что в этом городе нет ни одного аптекаря: половина их на кладбище, а вторая спешно переехала в другие края! Нет, заниматься лечением в наше время опаснее, чем сражаться с драконами... К герцогу мы не пойдем ни в коем случае. Заглянем на ярмарку, подзаработаем чуток и направимся в Лирмусс. Столица все же остается столицей, пусть даже и в этой ужасной Лаэгрии.

Уже можно было различить сине-красные одеяния стражников, мельтешащих у городских ворот, и время от времени ветер доносил обрывки ругательств. Стражники суетились, грозили алебардами и сыпали проклятиями – крестьяне, по-видимому, едущие на ярмарку, своими груженными телегами перекрыли въезд какому-то благородному господину с сопровождением. Тот возмущался, потрясая оружием, и от досады пришпоривал своего коня, отчего бедное животное жалобно ржало и приплясывало на месте.

Зоркий дядюшка Абсалом приостановился и ухватил за рукав свою племянницу, которая, погрузившись в задумчивость, ничего вокруг себя не замечала.

– погоди ты! – шикнул он. – Не лезь на рожон! Стражники небось злющие, огребем мы с тобой держакотом от алебарды по спине – у нас ни подорожной, ни лицензии! Подождем, пока стража успокоится, народ разъедется... К тому времени, быть может, сюда подойдет какой-нибудь деревенский обоз – с ним и пройдем через ворота.

Девушка покосилась на проход, где, похоже, назревала потасовка, и согласно кивнула.

Неподалеку от дороги, сразу за предместьем, виднелась небольшая рощица, привлекавшая внимание Абсалом, и вскоре путники уже обосновались в ее сени, расстелив на земле кусок ткани, расшитый изображениями луны и звезд, порядком поблекших от дорожных испытаний. Свара у ворот набирала силу, и торопиться им было некуда.

– ...А если мы заработаем целую крону к последнему ярмарочному дню, – мечтательно говорила Фейн, глядя в бездонное синее небо, – то первым делом купим осла! А, дядюшка? Купим?

– На кой черт нам осел?

– Как это – на кой черт? Пожитки наши возить!

Дядюшка Абсалом скептически хмыкнул в усы.

– Вот я и говорю – на кой черт нужен осел, тем более за целую крону, ежели у меня есть ты?

– Ну, спасибо, уважили... – Фейн угрожающе нахмурилась. – Значит, я буду тащить этот хлам на горбу до самого Амилангра?

Любящий дядюшка уселся поудобнее, выудил из кармана сухарь и заметил:

– Радуйся, что чучело крокодила сторело вместе с нашей лавкой. А на новое у меня пока денег нет. Иначе ты бы еще и его носила – а то какой же это аптекарь без крокодила?..

– Дядя, вы купите осла! – глаза Фейн сузились.

– Может, тебе еще арданцийского скакуна купить? – ядовито поинтересовался дядюшка Абсалом.

Фейн покраснела от злости – у нее была тонкая белая кожа, типичная для уроженцев севера, особенно для рыжих, оттого она легко покрывалась ярким румянцем по самым разнообразным поводам.

– А на что же вы потратите наш заработок, позвольте узнать? – спросила она, запинаясь и фыркая от сдерживаемого гнева.

– Свой заработок я потрачу на насущные нужды, – ответил Абсалом. – Первым делом куплю тебе приличное платье. Так у меня появится хоть какая-то надежда сбыть тебя с рук...

– А чем плох мой нынешний наряд?! – Фейн вскочила на ноги и уперла руки в бока, пытаясь изобразить вызов.

– Хотя бы тем, что нас могут не пропустить из-за него в город, – хладнокровно пояснил мужчина. – На столбе я заметил объявление, гласящее, что в Таммельне распутницы, джерканы-гадалки и танцовщицы живота объявлены вне закона.

От возмущения Фейн задохнулась, вновь побагровела, а затем вскричала:

– Да как повернулся у вас язык назвать родную племянницу распутной девкой?!

Дядюшка пожал плечами.

– Вот я и говорю – надо купить пристойный наряд, чтобы более ни у кого язык не поворачивался. Ни к чему позорить мои седины. Я почтенный даленштадтский аптекарь и не желаю, чтобы меня принимали за родственника развратницы. Я намереваюсь быть дядюшкой скромной девицы, которую можно будет выдать замуж за какого-нибудь приличного юношу, имеющего постоянный доход.

Эти слова произвели действие, сравнимое разве что с небольшим землетрясением. Девушка вопила, призывала себе в свидетели всех святых, которых почитают в Даленштадте, и клялась, что не перемолвится с тиранствующим дядюшкой ни словом до конца своей жизни, впрочем, щедро перемежая эти клятвы обещаниями немедленно утопиться, удавиться и уйти в монастырь. Дядюшка Абсалом безмятежно смотрел в небо, грыз сухарь и не

придавал никакого значения крикам своей племянницы, по-видимому, давно к ним привыкнув.

– Я буду носить это платье до скончания своей жизни, а последней моей волей будет, чтобы меня в нем похоронили! – мстительно прошипела Фейн и уселась на землю, повернувшись к дядюшке спиной.

– Вот и славно, – все так же спокойно согласился Абсалом. – Значит, на наряды деньги мы тратить не будем. Что ж, у меня возникла еще одна мыслишка: потрачу-ка я их на дилижанс до Прадейна. Говорят, они ходят быстро, за недельку обернемся. Препоручу тебя тетушке Вандине, той самой, что держит прачечную. Она как-то мне жаловалась в письме, что рабочих рук не хватает. Поработаешь там лет эдак десять, зарекомендуешь себя как следует, и тетушка отпишет тебе прачечную, когда помирать надумает. Ты до скончания своих дней будешь надежно обеспечена, пусть даже вид белоснежных подштанников станет не мил. Но зато с благодарностью вспомнишь дядюшку, который толково истратил свой заработок...

С каждым словом лицо Фейн становилось все более кислым. Видимо, подобные разговоры велись не первый раз и уже успели набить ей оскомину. Но в отсутствии действительности их нельзя было упрекнуть.

– Хорошо, дядюшка, – процедила девушка, вздернув веснушчатый нос, – купим приличное платье. А еще кандалы да колодку на шею. И маленькую тележку, чтобы запрягать меня в дороге. В ходкости с ослом меня, конечно, не сравнить, но в приличном платье это не будет так уж бросаться в глаза...

– Я знал, что ты внемлешь голосу разума, – добродушно ответил дядюшка Абсалом, не обратив никакого внимания на полудетские попытки племянницы огрызнуться.

К этому времени солнце уже поднялось высоко, толпа у ворот поредела, и стражники скрылись из виду, по всей вероятности, предпочтя скучному дежурству веселую игру в кости. Еще немного погода на горизонте показалось облачко пыли, в котором вскоре можно было различить несколько груженных телег и повозок, медленнодвигающихся к городу.

– Привал завершен! – объявил дядюшка и поспешил к дороге, не оглянувшись на племянницу, которая взваливала на себя их общие скудные пожитки. Он был полон хороших предчувствий – не радужных, ибо какие радуги могут почудиться повидавшему жизнь человеку? – однако от таммельнской ярмарки он ожидал хорошего заработка. Странствующий лекарь Абсалом Рав из Даленстада давно уже открыл для себя главную жизненную истину: радоваться следует мелким удачам, а крупных, наоборот, следует остерегаться.

Ярмарка вот-вот должна была начаться.

* * *

Я стояла рядом с нашим скромным навесом, вычищая грязь из-под ногтей щепкой, и уныло голосила:

– Не проходите мимо! Опытный аптекарь излечит любую хворь – от подагры до насморка! Чудодейственные капли помогут всем страждущим от косоглазия и заикания! Мазь от икоты! Декокты от облысения, а также от зубной боли!..

– Веселее кричи! – сердито пробурчал дядя, скучавший в тени навеса. – Кто ж поверит,

что я исцелю зубную боль, ежели рожу моей родной племянницы так перекосило, будто у нее вся челюсть хворая!

Я злобно покосилась на него, так как время близилось к обеду, а торговлю дядюшка всегда начинал спозаранку, и что было сил завопила:

– Сей мудрый аптекарь славен по всему Даленстадту, Арданции и Даэлю! Многие знатные люди прибегали к его услугам и со страшной силой желают повстречаться вновь, чтобы выразить свою благодарность! Нет ему равных в борьбе с почечуем и ветрянкой, нервным тиком и скрежетом зубовным! Подходите, не пожалеете!

Дядюшка и тут остался недоволен.

– От твоего крика ко мне скоро выстроится очередь пациентов с нервным тиком, если, конечно, у них на то достанет храбрости...

– Вам не угодишь! – огрызнулась я.

– Ладно, можешь пройтись по торговым рядам, – наконец смилостивились надо мной. – Я вижу: ты из врожденной пакостности сорвешь голос, чтобы не помочь лишний раз своему старому дядюшке. Денег я тебе не дам, и не надейся. Платье сам выберу. А ты не зевай – если увидишь, что где-то можно стянуть бублик или яблоко, принеси мне гостинец, а то я с утра еще ни разу не подкреплялся.

Достигнув цели, я довольно ухмыльнулась, затем сладко потянулась, ведь от однообразного стояния у навеса у меня ломило все кости, а от скуки слипались глаза, и отправилась глазеть на таммельнскую ярмарку.

Хоть мы уже третий день морочили головы честным таммельнцам, мне так и не довелось до сих пор свободно прогуляться по торговым рядам: строгий дядюшка не отпускал меня ни на шаг, повторяя, что мой наряд наведет любого встречного на дурные мысли и пропадай моя пустая голова. С утра до вечера мне надлежало выкрикивать завлекательные речи, убеждая честной народ прибегнуть к услугам аптекаря, ведь дядюшка не гнушался попрекать меня каждым куском хлеба. В то время мне едва сравнялось семнадцать лет, и я, несмотря на многочисленные беды, выпавшие на мою долю, все еще не научилась ценить по достоинству чужую доброту – попреки казались мне несправедливыми, пусть иного опекуна для меня до сих пор не сыскалось.

За минувшие дни мне удалось рассмотреть в подробностях только два соседних торговых места – справа мужик продавал горшки, слева обосновался воз с сеном, вчера же и позавчера на этих торговых местах стояли торговцы сбруей. Подобное упущение вызывало у меня ужасное недовольство: попасть на городскую ярмарку, чтобы глазеть на сено да хомуты? Пф-ф-ф!

Не теряя ни секунды, я отправилась к рядам, столь милым сердцу любой девушки, – здесь продавали ткани, платья и ленты. Сердце мое сжималось от осознания того, что у меня нет ни медяка, который я могла бы потратить на эти чудные вещицы. Горе мне, убогой сироте при жадном дядюшке! Я не могла купить самую дешевую тесемку! Даже золоченый витой шнурок для корсета!.. Жадным взглядом я пожирала связки блестящих лент и горы бусин, сияющих на солнце ничуть не хуже драгоценных камней – признаться честно, я и в глаза настоящих драгоценностей не видала, оттого могла лишь догадываться, что сверкают они схожим образом. Но торговцы, едва завидев мой яркий наряд и рыжие косы, выразительными жестами и гримасами давали понять: они не желают, чтобы рядом с их товаром околачивались всякие проныры. Мне пришлось уйти оттуда несолоно хлебавши, однако я лелеяла надежду, что завтра дядюшка все-таки купит мне зеленое платье... или

красное, с бархатистой каймой по подолу...

Дивный аромат свежих пирожков завел меня в ряды, где торговали всяческими сладостями. Там я, помня просьбу дядюшки Абсалома, стащила в сутолоке пряник, а затем и пару бубликов. Как же я любила ярмарки!..

Вокруг меня бурлила жизнь. Ругались перекупщики, рвали глотки купцы, расхваливающие свой товар, гарцевали лоснящиеся жеребцы, возле которых вертелись маленькие смуглые джеры, и все это было таким заманчивым, жизнерадостным и красочным, что дух перехватывало.

Одна из джерских женщин, заметив, что я слоняюсь без дела, решила попытать счастья и предложила мне погадать по руке. Я прямо сказала ей, что денег при себе нет ни скойца, но на всякий случай обтерла руку о подол своего платья. Джеркана, покружив немного вокруг, польстилась на дешевенький медный браслет с парой стеклянных бусин, который мне достался даром, – кто-то обронил его у постоянного двора. Жаль было расставаться с побрякушкой – бусины блестели так ярко! – но гадалка обещала, что непременно увидит на моей ладони признаки счастливого будущего, и я согласилась.

Поначалу женщина затеяла говорить о дороге да о потерях, что выпали на мою долю, но по выражению лица поняла, что в обмен на свое сокровище я ожидала куда большего, и принялась расписывать, как глубока на моей руке линия сердца.

– Видишь? Видишь эту засечку? – спрашивала она меня, быстро водя пальцем по ладони. – Это редкий знак, непростой! Тебя полюбит знатный господин, очень знатный! Но дальше одни кресты, одни решетки – любовь ваша будет запретной, да и сам он – человек темный, тайный, не жди, что так просто с ним сойдешься! Вижу здесь волю другой женщины, она между вами, как река меж двух берегов. Много в ней силы, которой в тебе нет, но там, где ты сильна, – у нее слабость. Может, и справишься, если не струсил!

– Что же это, – с замиранием сердца спросила я, пропустив мимо ушей весть о неведомой сопернице, – на мне женится барон или граф? Ты точно это видишь, гадалка?

– Вижу, что полюбит без памяти, хоть и будет поначалу тому не рад, – отвечала с важностью джеркана, довольно косясь на браслетик, который уже блестел на ее смуглой руке. – А женится ли... Тут от тебя все зависит. Линия ума у тебя коротка, судьба и вовсе едва намечена – что уж тут говорить?

– То есть я, по-твоему, глупа точно пень лесной? – возмущенно вскричала, отдергивая руку. – Сама-то обещала, что точно предскажешь мне будущее, а теперь виляешь – то ли сбудется, то ли нет... Да я таких предсказаний с десятков сочиню, не запнувшись! Обратит на тебя внимание городская стража, а погонит в шею или нет, тут уж от воли святых угодников все зависит да от того, как низко ласточки над землей летают, ведь линии ума у тебя не видать!..

– Ишь какая! – не осталась в долгу гадалка. – Другим таким замарашкам любви знатного господина с головой хватает, в ножки кланялись за такое обещание, а ты еще и недовольна!

– Я девушка честная, – сурово ответила, нахмурившись, – на кой ляд мне любовь без свадьбы?

– Еще вспомнишь свои слова, когда будешь точно кошка бегать за своим ненаглядным! Сердцу не прикажешь! – мстительно пообещала мне джеркана и смешалась с компанией шумных соплеменниц, окруживших богато одетого толстяка.

Вся во власти раздумий я жевала бублик, развязно облокотившись на случайный столб, – слова гадалки приятно растревожили душу, несмотря на то, что разошлись мы с ней не по-

доброму. Вот бы и впрямь меня полюбил знатный господин! То-то кусали бы локти все мои родственнички, давно уж объявившие, что знать меня не желают. Да и дяде Абсалому не оставалось бы ничего иного, кроме как признать, что из меня вышел толк наперекор его сетованиям. Сомнения джерканы по поводу свадьбы бросали тень на картинку ослепительного будущего, быстро нарисовавшуюся в моей голове, но я, поразмыслив, решила, что у меня достанет сноровки затащить под венец господина, полюбившего меня без памяти, – чего же другого ему оставалось желать?..

Успокоив себя таким выводом, отправилась дальше – к прилавку, уставленному изящными дамскими башмачками, он виднелся в конце ряда. Однако дойти до вожделенной лавки оказалось не так-то просто. Народ вдруг заметался, засуетился, отчего меня повлекло сначала к сушеным грибам, затем к рыболовным снастям. Я сопротивлялась, отпихивала чужие острые локти и почти было выбралась на свободное место, но тут над моей головой взревел чей-то голос:

– Дорогу благородной даме! Разойдитесь прочь!

И я едва успела метнуться в сторону, чтобы освободить путь для целого кортежа. Впереди шагал, расчищая дорогу, здоровенный слуга, чей рык меня едва не оглушил, за ним следовала хорошо одетая женщина, в которой я также угадала челядь из богатого дома, – она держала в руках нарядную плетеную корзину, наполовину заполненную всякой всячиной. Третьей шествовала сама благородная дама, ради которой и устроили переполох. Ее лицо закрывала плотная белая вуаль, прикрепленная к сложной прическе золотыми шпильками, а туманно-серое струящееся платье нарочито скромно украшал черный бархатный кант, но уже издали было видно, что оно стоит безумных денег, которых ни мне, ни дяде не суждено заработать, пусть у нас скупили бы все имеющиеся микстуры и притирания разом.

На белоснежных пальчиках дамы сверкали тяжелые золотые перстни, у пояса висел кошелек безо всяких вензелей, туго набитый монетами, и, уж ясное дело, не какими-то скойцами, а полновесными кронами. Из-под подола платья выглядывали искусно расшитые бисером туфельки, которые оказались бы под стать и эльфийской принцессе из тех сказок, которые я слышала в детстве, – ножка у дамы была крошечной, как у ребенка. Иными словами, ничего более прекрасного, утонченного и роскошного мне ранее видеть не доводилось, оттого я и застыла на месте, разинув рот и забыв обо всем на свете, даже о надкушенном бублике, который держала в руке.

Замыкали шествие двое крепких, одинаковых с лица парней, которых я посчитала охраной. Их явно захватили с собой лишь для порядка – это было видно по их ленивым движениям и скучающим взглядам.

Дама остановилась как раз около прилавка с башмачками, и я с завистью подумала, что уж ей-то по карману купить себе любые из них. Да что там, половины содержимого ее кошелька достало бы, чтобы скупить три торговых ряда! Но, несмотря на то, что торговец рассыпался перед нею мелким бесом, дама ни к чему не притронулась своими холеными полупрозрачными пальчиками и направилась далее. Я незаметно пристроилась в хвост этой процессии, рассудив, что не худо ходить по ярмарке, когда тебе все уступают дорогу. Тем более что шаталась я безо всякой определенной цели. Мне стало любопытно, что же купит эта дама из великого множества товаров? Что вообще может понадобиться таким важным особам на обычной городской ярмарке?

След в след я ступала за охраной, вытягивая шею, как любопытный гусь, и прислушиваясь к разговору, который госпожа вполголоса вела со своей служанкой. Мы

остановились около лавки парфюмера, где я наконец-то узнала, чем же пахнет миндальное мыло, – то, что продавал дядя, было похоже на него, как свекла на яблоко. Затем заглянули к торговцу канарейками, после чего вышли к центральной площади, где глашатай зачитывал объявление о начале турнира лучников. Там дама отпила немного лимонной воды, которую поднесла ей служанка. К ним тут же подбежал торговец веерами, безошибочно почуяв своих клиенток, и мне удалось полюбоваться изящнейшими опахалами. Я околачивалась поблизости, каждую секунду ожидая, что один из охранников, давно уж косившихся в мою сторону, даст мне подзатыльник и прогонит прочь, но любопытство перевешивало страх.

– Благодарю, – мелодично произнесла дама, доставая из кошелька монетку.

– Мое почтение вашей милости! – торговец поклонился.

Дама раскрыла купленный веер, обмахнула пару раз скрытое вуалью лицо и небрежно бросила в корзину.

– Нет, Белинда, – промолвила она раздраженно, обращаясь к служанке, – это пустая трата времени. Здесь нет ни одного аптекаря!

Мое сердце пропустило удар. Я просто онемела, не в силах поверить в такую удачу! Ну уж теперь дядюшка Абсалом скажет мне спасибо! Не будет мне прощения, если я не воспользуюсь такой оказией!

– Прошу прощения, ваша милость! – я прошмыгнула под самым носом охраны и очутилась рядом с дамой, пропустив мимо ушей гневные окрики всполошившихся стражей. – Могу ли я занять пару секунд вашего драгоценного времени?

Благородная дама, к счастью, не завопила что-то вроде «Да как ты смеешь, грязная нахалка!», хотя именно так ей и следовало поступить – моя дерзость переходила всяческие границы. Осмотрев меня с ног до головы, она довольно приветливо обратилась ко мне:

– В чем состоит твое дело ко мне, танцовщица?

«Нет, дядюшка прав, мне надо срочно купить пристойное платье», – с досадой подумала я, а вслух произнесла:

– Случайно услышала, что вы ищете сведущего аптекаря, и потому осмелилась обратиться к вам. Неподалеку от старого колодца расположился один из лучших аптекарей трех королевств, которому я прихожусь племянницей. Если вы изволите пройти по этому ряду и свернуть у фонаря налево, то выйдете к его лавке.

Нежные пальчики дамы сжались в кулачки, и она взволнованно сказала мне:

– Спасибо тебе, танцовщица. Вот, возьми в награду!

И мне была вручена серебряная монета достоинством в четверть кроны. Я чуть не взвизгнула от радости и несколько раз низко поклонилась добрейшей даме. Кто бы мог подумать! Заработала за минуту больше, чем мой дядюшка за два дня! На что же потратить такое богатство?

И я, ошалев от счастья, торопливо направилась вдоль ближайшего торгового ряда, жадно разглядывая лежащий на прилавках товар.

Немного поразмыслив, я купила кошелек. Сдачи мне причиталась целая пригоршня скойцев, прекрасно его заполнивших. Разумное начало возобладало над душевными порывами, и я решила, что приберегу нежданно-нечаянное богатство. Мало ли как обернется жизнь?..

После этой глубокой мысли, заставившей меня нешуточно возгордиться собственной рассудительностью, пришло время вспомнить, что дядюшка уже заждался моего

возвращения и мне грозит хорошая головомойка, невзирая на неоценимую услугу, которую я оказала старшему родственнику. Запрятав кошелек во внутренний карман пестроцветной курточки, я поспешила в сторону старого колодца.

...Около дядюшкиного навеса творилось какое-то странное столпотворение, голоса сливались в неразборчивый гул. Предчувствуя беду, я ускорила шаг. Уже можно было разглядеть, что наше торговое место окружено плотным кольцом без умолку галдящего ярмарочного сброда.

Подбежав поближе, я заметила, что несколько человек, стоявших у самого прилавка, одеты одинаково – в красно-синие туники, украшенные гербовой вышивкой. Все они были вооружены, держались крайне надменно и словно чего-то ожидали. Лавочники и покупатели столпились чуть поодаль, вытягивали шеи и что-то оживленно обсуждали, тыча пальцами в сторону звездно-лунного тента.

Несложно было сообразить, что дела наши совсем плохи. «Дядю арестовали, – похоронным звоном отозвалась страшная мысль в моей голове. – Кто-то купил у него декокт и отравился. Или намазался мазью и облысел. Нас вышлют из города без скойца за душой, а скорее всего – повесят. Что же делать?!» Руки мои сами по себе принялись заталкивать кошелек глубже в карман, а ноги точно так же непроизвольно сделали пару шагов назад.

Тут красно-синие расступились, и показался мой дядя, против обычая сам несущий на спине объемистую торбу. Вид у него был донельзя огорченный и какой-то перекошенный, будто бедный дядя Абсалом по недосмотру куснул лимон. Позади него шли двое сине-красных господ, что указывало на крайнюю серьезность положения. Тут дядюшка поднял голову, обвел обреченным взглядом зевак и заметил меня. Я попятилась, но было поздно. Лицо его побагровело, глаза выпучились, а его обвиняющий перст указал в направлении меня. Все это сопровождалось воплем:

– Это ты! Ты!..

Немедленно все взоры обратились в мою сторону, отчего я почувствовала себя крайне неудобно. Во взглядах читался ужас с малой толикой сочувствия.

– Это ваша племянница? – обратился к дяде один из сине-красных.

– Она самая... – сквозь зубы процедил дядя.

Тут же по обеим сторонам от меня возникли двое господ, ухватили под руки, отчего мои ноги тут же оторвались от земли. Бежать было поздно, да и некуда, если разобраться.

...Так мы и покинули таммельнскую ярмарку – впереди нас с дядей Абсаломом шли двое господ, позади еще добрая дюжина. Дядюшка яростно сопел, кося в мою сторону налитым кровью глазом, и я опасалась, что он, не сумев совладать с гневом, попросту бросится меня душить. Причины его странной ненависти ко мне были пока что неясны.

– Дядюшка, – как можно более кротко обратилась я к нему, – куда нас ведут?

Дядя Абсалом утробно зарычал и воздел глаза к небу, беззвучно шевеля губами. Я смогла угадать только «не допусти смертоубийства» и притихла.

– А как ты думаешь? – наконец спросил он весьма язвительным тоном.

– Откуда же мне знать? – пискнула я.

Дядя снова что-то пробормотал себе под нос и сложил ладони перед грудью, словно обращаясь с молитвой к милостивым богам.

– Да что ты говоришь? – наконец смог произнести он с немалой долей яда в голосе. – А не ты ли приложила руку, точнее говоря, болтливый язык – к тому, что сейчас происходит?

– Не понимаю, о чем вы говорите... – слабеющим голосом ответствовала я.

– Ах, не понимаешь... Ну ладно. – Дядя осмотрелся по сторонам и, понизив голос, произнес: – Не ты ли порекомендовала герцогине Таммельнской своего старого дядюшку как необычайно сведущего аптекаря?

– Я не... – начала я и тут же покрылась холодной испариной.

Ну конечно же! То была герцогиня! Как я могла не подумать об этом... И тут же в голову пришла крайне трезвая мысль: «За такое дядюшка непременно меня удавит».

– Я не знала, что это была герцогиня, – беспомощно пробормотала, понимая, что лучше бы мне молчать, причем с утра до вечера.

Дядя Абсалом поджал губы и отвернулся, показывая, как глубоко разочарован моим необдуманном поступком.

Впереди темнела зубчатая стена герцогского дворца.

– Ее светлость Вейдена, герцогиня Таммельнская ожидает вас в своем кабинете, – уведомил нас крайне надменный слуга, не скрывавший своего недоумения по поводу нашего визита в дом столь важного вельможи. Мы с дядей горестно вздохнули и вошли в распахнутые двери, причем дядюшка Абсалом старался держаться от меня как можно дальше, словно от зачумленной.

Дворец герцога был настолько роскошен, что хотелось немедленно бежать из-под его крова куда глаза глядят. Тут было не место для таких жалких оборванцев, как мы с дядей, – теперь я это ясно понимала и все сильнее корила себя за необдуманный поступок.

Герцогиня Таммельнская сидела в огромном кресле, резные подлокотники которого являли собой истинное произведение искусства, а золоченые гвоздики, блестящие на фоне красного бархата обивки, показались мне ярче всех небесных светил разом. Дядюшка поклонился, едва удержавшись от того, чтобы пасть ниц, а я присела столь низко, что с трудом смогла подняться без посторонней помощи.

– Благодарю вас, что приняли мое приглашение, господин аптекарь, – обратилась к дядюшке госпожа Вейдена, мелодичный голос которой уже был мне знаком, и жестом приказала нам подойти поближе.

Во взгляде ее я не заметила презрения, естественного по отношению к столь жалким существам, – хозяйка дворца, казалось, не замечала, как бедно мы с дядюшкой одеты. В ее глазах светилась отчаянная надежда – возможно, именно она ослепила герцогиню, заставив говорить с нами как с равными.

Дядя, крайне почтительно сгорбившись, шагнул к креслу, я последовала за ним.

– Абсалом Рав к вашим услугам. Чем я могу быть полезен вашей светлости? – медоточиво спросил он.

Я, враз утратив всю свою дерзость, спряталась за спиной дяди и испуганно рассматривала владетельную даму, юное лицо которой на ярмарке скрывала вуаль. Ей исполнилось не более восемнадцати-двадцати лет, мы с нею могли оказаться ровесницами, но больше ничего общего у нас не имелось, я и мысленно не осмелилась сравнить себя в каком-либо отношении с этой молодой женщиной.

Герцогиня была прекрасна. Великолепие ее молодости и красоты оттенялось драгоценностями, парчой и золотом и наверняка заставило бы любого человека, не утратившего способность восхищаться совершенными творениями природы, онеметь от восхищения. Ее темные с пепельным отблеском волосы были убраны в сложную прическу из нескольких кос, которые покрывала сверкающая золотая сеть с вкраплениями крошечных

капелек жемчуга. Две жемчужные подвески обрамляли тонкое лицо молодой женщины и слегка покачивались в такт ее речи. Прямые темные брови контрастировали с необычайно белой, почти прозрачной кожей; почти черными были и ресницы, отбрасывавшие глубокую тень на яркие зеленые глаза. Иными словами, то была самая красивая и знатная дама из всех виденных мною, и я окончательно пала духом. Не стоило ожидать, что такая красота будет дополняться еще и добрым нравом.

– Вы, должно быть, не знаете, – произнесла герцогиня, печально склонив голову, – что в этом доме давно имеется нужда в аптекаре, знахаре либо лекаре, который знал бы толк в излечении душевных недугов. Уже долгое время я обещаю щедрое вознаграждение такому человеку, однако никто не пожелал откликнуться на мой призыв. И вот теперь провидение послало мне вас. Я благодарна сверх меры вашей доброй племяннице, которая сообщила мне, где вас искать.

Дядя Абсалом с неприязнью покосился на меня, но угодливо улыбнулся ее светлости.

– Она славная девочка, – произнес он. – Всегда хочет помочь своему бедному старому дядюшке.

В его голосе слышалось обещание поквитаться со мной за столь ценную услугу, и я поежилась, предчувствуя изощреннейшее наказание, которому собирался подвергнуть меня дядюшка, если, конечно, нам было суждено выйти из этой комнаты живыми.

Герцогине, разумеется, не было никакого дела до того, что у дядюшкиных слов имелось двойное дно: она одарила меня мимолетной доброй улыбкой и продолжила, от волнения перемежая свою речь глубокими вздохами, точно ей не хватало воздуха.

– Почтенный аптекарь, я прошу вашей помощи, позабыв о всяческих предрассудках и условностях, – так велика моя тревога. Иногда даже нам, в чьих жилах течет королевская кровь, доводится чувствовать свое бессилие перед лицом несчастья, темной силы, болезни...

– Ваша светлость может не беспокоиться, – поторопился заверить ее дядюшка. – Не каждый из аптекарей, разумеется, наделен деликатностью и знает толк в конфиденциях, но, смею вас заверить, я не таков. Изложите мне свои затруднения, и я потороплюсь вас успокоить...

– Ах, боюсь, что никто не сможет успокоить меня, добрый господин аптекарь, – горестно воскликнула ее светлость. – Но я настолько измучена, что хочу знать правду, какой бы горькой она ни оказалась. Речь идет о моем возлюбленном супруге, Огасто. Наш брак был благословлен и небом, и людьми, он принес мир этим землям и счастье мне самой. Поначалу я полагала, что благоденствие это будет безоблачным. Редкой женщине выпадала честь быть женой столь достойного человека, и я благодарю богов за эту милость ежечасно.

Ее взгляд затуманился при этих словах. Я едва сдержалась, чтоб не скривиться, относясь к подобным речам весьма скептически, пусть они и исходили из уст светлейшей герцогини. Все мои замужние сестры (а их было семеро) утверждали, что их жизнь в супружестве устроилась выше всяческих похвал, однако сонм их супругов вызывал у меня ужас. Каждый из них мог послужить скульптору моделью для отличнейшей горгульи, а когда они собирались все вместе на очередных крестинах или поминках, то являли собой картину, которую так и тянуло назвать «Семь смертных грехов хлебают пиво». В те времена я не вполне отдавала себе отчет в том, насколько узок мой кругозор, и безо всяких сомнений мысленно приравнивала беды благороднейшей дамы к неприятностям, случающимся в низкородных семействах вроде моего собственного. Стоило мне только услышать про любовь и счастье в браке, как я преисполнялась тайного презрения, даже если речь шла о знатных

господах, один волосок с головы которых стоил дороже всей моей жизни.

Решимость юной герцогини, к счастью, не подозревавшей о моих дерзких мыслях, иссякла, и она умолкла, не зная, как продолжить свою историю. Она бросала сомневающиеся, опасливые взгляды на дядюшку, который, признаться честно, мало кому показался бы достойным доверия господином. У меня мелькнула робкая надежда, что на этом наши с дядей злключения закончились и обращение госпожи Вейдены, раздумавшей делиться с нами своими бедами откровенно, сведется к какой-нибудь мелочи, но этому не суждено было сбыться.

– Я хотела бы изначально пресечь ваши возможные сомнения, почтенный господин аптекарь, – промолвила госпожа Вейдена, сделав над собой усилие. – К супругу я испытываю глубочайшее уважение, и то, что я вам поведаю далее, не является плодом воображения неблагодарной жены. Видите ли... Последнее время нрав моего супруга, Огасто, изменился. Странности, которые он выказывает, очень тревожат меня.

Мне ли было не знать об отношении дядюшки Абсалом к подобным сетованиям! Даже алчность порой не удерживала его от возмущенных речей, сводившихся к тому, что все без исключения женские головы забиты отборной чушью, а любые жалобы на мужей – суть вздор и чепуха. Однако сейчас страх перед герцогиней был так силен, что дядя Абсалом худо-бедно сумел изобразить обеспокоенность и сочувствие.

– В чем же выражаются странности вашего светлейшего супруга? – спросил он, с трудом подбирая слова.

Герцогиня, казалось, только и ждала этого вопроса – ей нужно было выплеснуть снедающую ее тревогу. Позабыв о том, что перед ней стоят сомнительные бродяги, пытавшие счастья на городской ярмарке, она начала свой сбивчивый жалобный рассказ. Из него следовало, что герцог Огасто Таммельнский, вначале казавшийся заботливейшим и нежнейшим из мужей, заметно переменился в последние месяцы. Он стал избегать жену, все чаще уединяясь в своей библиотеке и мрачней день ото дня. Порой герцог отказывался от еды по несколько дней кряду, разговаривал сам с собой, но более всего госпожу Вейдену пугали приступы безумного хохота, одолевавшие Огасто. На все свои робкие испуганные вопросы юная жена получала отстраненные ответы, заставляющие ее беспокоиться еще сильнее. Слухи о нездоровье герцога ширились в Таммельне, хотя слугам было строго запрещено сплетничать. Но разве возможно сохранить подобную тайну?..

Дядя лишь моргал и беспомощно вставлял «Э-э-э... вот как?» и «Кто бы мог подумать?». Герцогиня говорила сбивчиво, ее глаза при этом были наполнены слезами, готовыми вот-вот пролиться.

– Картина мне вполне ясна, – дрогнувшим голосом произнес дядюшка, чьи худшие подозрения в очередной раз подтвердились. – Конечно, некоторые моменты...

– О! Неужели я наконец получу ответы на свои вопросы? – воскликнула госпожа Вейдена, коснувшись своих прекрасных глаз кружевным платком. – Скажите мне, мудрейший из аптекарей, что с ним?

Дядюшка Абсалом что-то невразумительно булькнул, видимо, пребывая в отчаянии, и в итоге выдавил:

– Видите ли, ни один уважающий себя лекарь не решится делать окончательный вывод без осмотра пациента, поэтому сказать однозначно...

– Ох, ну конечно же! – герцогиня торопливо поднялась, одновременно звоном колокольчика подавая знак слугам. – Вне всякого сомнения, вы правы. Я не могу от вас пока

этого требовать. Мы сейчас же пойдём к Огасто, и уже после этого...

Я съезжилась от ужаса, а дядя невольно пошатнулся.

– А как ваш светлейший супруг относится... э-э-э... к вашей тревоге? – прошелестел он.

«Не велит ли он тут же повесить меня?» – без труда услышала я подоплеку вопроса.

– Когда-то он сказал: «Ты вольна делать что хочешь. Я не буду тебе препятствовать. Если для твоего спокойствия нужно, чтобы меня осмотрел лекарь, то я согласен», – ответила герцогиня, чье лицо горело от нетерпения.

– Весьма, весьма странно, – дядюшка был так озадачен, что не удержался от замечания, которое, к счастью, расслышала только я.

После этого мы, совершенно сбитые с толку, нерешительно последовали за герцогиней, направившейся к двери. Слуги, сопровождавшие нас, недовольно перешептывались, именуя нас исключительно «проходимцами» и «шарлатанами», и было ясно, что в успех этого предприятия верит одна герцогиня Таммельнская, потерявшая голову из-за беспокойства о своем муже.

– Обождите здесь, господин аптекарь. – Вейдена приоткрыла резную дубовую дверь и, обернувшись, пояснила: – Это библиотека моего мужа. Здесь он всегда проводит послеобеденное время. Лишь мне дозволяется тревожить его в эти часы...

С этими словами она исчезла за бесшумно закрывшейся створкой. Слуги, переглянувшись, напоследок вполголоса обозвали нас жуликами, желающими нажиться на чужой беде, и удалились, торопясь поведать новые сплетни прочей челяди.

Дядя воровато оглянулся и, удостоверившись, что его, кроме меня, никто не видит, прислонился к стене, испустив не то громкий вздох, не то тихое завывание.

– Должно быть, меня проклял тот язвенник из Кимары... – пробормотал он, и глаза его закатились. – Без причины судьба не может быть настолько безжалостна.

– Ничего, быть может, все еще обойдется, – пискнула я.

– Молчи, – предостерег меня дядюшка Абсалом свистящим шепотом. – Я все еще помню, кто виноват в этом гнуснейшем происшествии!

Тут дверь герцогской библиотеки распахнулась. Дядя негромко икнул, а я, несмотря на то, что мысленно призывала себя сохранять спокойствие, почувствовала предательскую слабость в ногах.

– Проходите же, господин аптекарь! – Вейдена стояла у входа. – Мой супруг согласен поговорить с вами.

Дядя отделился от стены и нетвердо двинулся в библиотеку, напоминая висельника, приближающегося к эшафоту. Поразмыслив, я последовала за ним, рассудив, что меня считают кем-то вроде собачонки, не обладающей даже толикой разума, благодаря которой я смогу истолковать чужие слова, не говоря уж о том, чтобы использовать их во вред кому-либо.

Отставая от дяди на три шага и не отрывая взгляда от ковра, которым был устлан пол, я вошла в большую светлую комнату, где витал дух каких-то незнакомых мне благовоний.

– Вот, Огасто, – подала голос Вейдена, выглядевшая вконец испуганной в присутствии своего супруга. – Это тот самый лекарь, о котором я тебе говорила.

– А-а-абсалом Рав, целиком и полностью к вашим услугам, ваша светлость, – проямлил дядюшка, дрожа всем телом.

– Подойдите ближе, почтенный господин Рав. – Приятный голос был тихим и немного

глуховатым, и я различила в нем странный, никогда ранее не слышанный мною акцент. – Я не люблю разговаривать, когда мне плохо видны глаза собеседника.

Дядя Абсалом поспешно просеменил вперед. Я повторила его маневр, согнув шею так, что подбородок уперся в грудь.

– Кто эта девушка? – в тоне герцога Таммельнского не слышалось никакого интереса, он был целиком погружен в какие-то далекие от нас с дядюшкой размышления и задавал вопросы, казалось, совершенно бездумно.

– Позвольте представить вам мою племянницу, Фейнеллу Биркинд, ваша светлость, – дядя цепко ухватил меня под локоть и подтолкнул вперед. Я сделала корявый реверанс, а затем еще и растерянно поклонилась на всякий случай. Глаза поднять я так и не решилась, поэтому разглядеть смогла только ножки письменного стола, за которым, по-видимому, и восседал герцог.

– Какой у нее чудной наряд, – мужской голос был все так же равнодушен. – Право слово, вас не должны были впустить в Таммельн, господин лекарь, здесь царят весьма строгие нравы. По-моему, у вашей племянницы что-то неладное с шеей. Ее продуло в дороге?

– Нет-нет! – дядя незаметно, но болезненно ткнул меня пальцем в бок. – Просто бедная девочка родом из глухой провинции, и ее пугает все новое. Думаю, ее смутила роскошь этого великолепного дома и ваше милостивое внимание к ней. Так, моя милая?

И я снова получила чувствительный тычок.

– О да, – покорно пробормотала я, поднимая голову, чтобы взглянуть на герцога Таммельнского, и впрямь являвшегося весьма странным господином, судя по его речам.

...Он откровенно рассматривал меня, но во взгляде его было очень мало любопытства, как, впрочем, и любых других эмоций. С такой скукой обычно изучают изваяния в храме во время полуторачасовой службы. Вне всякого сомнения, герцог в отличие от своей жены сразу распознал, с кем имеет дело, движения его темных, подернутых поволокой глаз указывали на то, что от него не укрылась ни одна заплатка на нашей одежде и ни одна прореха в наших башмаках. Я же глазела на него как на самое чудесное явление, случившееся в моей жизни, и, думаю, меня бы поняла любая девушка, повстречавшаяся с герцогом Таммельнским.

Господин этих земель оказался еще более привлекательным внешне, нежели его красавица супруга. Самый упорный недоброжелатель не смог бы найти в лице его светлости недостатка. То был смуглый худощавый брюнет с матовой кожей – герцог походил на южанина, но гораздо более утонченного, чем те носатые говорливые господа, которых я раньше видела в городах, куда забредали мы с дядей во время своих странствий. На совершенном лице черными углями горели миндалевидные глаза, обрамленные длинными девичьими ресницами, но при всем этом во внешности герцога не было ни капли женственности или слащавости. Даже слегка вьющиеся черные волосы до плеч не приносили в его облик ничего женоподобного, лишь подчеркивали гармоничность его черт.

– У вашей племянницы редкий цвет волос, – между тем продолжал прекрасный герцог, рассеянно изучая меня с ног до головы. – У нее в роду не было никого из Иного народа?

– Ваша проницательность сделала бы честь любому, – немедленно отозвался дядя Абсалом. – Моя бабушка происходила из Лесного народца – гваллиахов, но готов заверить вас, что старушкой она была скромнейшей и тишайшей, вопреки всем тем разговорам, что ведутся о лесных жителях. Фейнелла, к несчастью, одна-единственная среди своих сестриц пошла в нее, но, право слово, это обычная глупая девчонка, ничем не отличающаяся от прочих...

Я почувствовала, что краснею от смущения, хотя до сих пор думала, будто к обсуждениям треклятой рыжины мне не привыкать.

– Милая девушка, – сделал вывод герцог, все так же витая в отвлеченных размышлениях. – Меня когда-то интересовал такой тип внешности – не то девочка, не то потешный мальчишка. Она бы могла играть в пьесах Пикеспаркса, тот любил использовать в сюжетах ходы с переодеваниями.

– Благодарю вас, ваша светлость, – прошептала в растерянности, ведь мне было не под силу понять бóльшую часть речи герцога – за всю жизнь я не осилила и трех книг, считая чтение занятием скучным и неприятным.

– Впрочем, перейдем к делу, – герцог отвлекся от изучения моего раскрасневшегося лица. – Моя жена взволнована не на шутку, как я погляжу. Дорогая, не оставишь ли ты нас с господином лекарем наедине?

Герцогиня слегка присела в реверансе, устремив на мужа умоляющий взгляд, и покорно направилась к дверям. Господин Огасто не выразил недовольства в связи с тем, что я осталась в библиотеке, и вновь мне пришлось почувствовать себя глупой собачонкой, которая может разве что позабавить на пару минут, а затем ей позволялось вертеться у ног, если она не вела себя при этом слишком уж навязчиво.

– Итак, почтеннейший лекарь, вы не смогли вовремя увернуться... – задумчиво произнес герцог, посматривая на дядю искоса и едва заметно усмехаясь. – Моя супруга все-таки добилась своего. Я полагал, что затею с врачеванием удастся отложить до нашей весенней поездки в столицу.

Мысль о безумии герцога казалась нелепой, когда я смотрела на его спокойное приветливое лицо. В глазах господина Огасто светилось лукавство, в быстрой улыбке его содержалось куда больше благоволения, чем обычно причиталось на долю нахальных ярмарочных шарлатанов, и сердце мое едва не перестало биться – так был хорош собой герцог Таммельнский.

Дядя Абсалом также пребывал в растерянности, хотя вряд ли на него подобным образом воздействовала красота его светлости. На лице родственника было написано беспомощное недоумение, и мне стало ясно, что бедный дядюшка окончательно запутался и отчаялся понять, что же сейчас происходит.

– Не волнуйтесь, господин... э-э-э... Рав, – герцог сделал успокаивающий жест тонкой рукой. – Женские капризы иногда невероятно докучливы. Их можно пропускать мимо ушей и глаз, однако рано или поздно придется уделить им внимание. О лекаре моя супруга стала заговаривать еще с середины лета, и раз уж вы стоите передо мною, почему бы не удовлетворить эту прихоть Вейдены?

– Кхе-кхе, – закашлялся потрясенный дядя, все еще не знающий, стоит ли произносить хоть что-то в присутствии его светлости, рассуждающего настолько здраво, что пугало это сильнее иных безумных речей.

– Вижу, вы все еще обеспокоены, – улыбка герцога содержала так много тепла, что под ней мог вызреть средних размеров арбуз, – но, право слово, мы оба сможем извлечь пользу из этой затеи. Успокойте госпожу Вейдену, отвлеките от тягостных, пустых мыслей, раз уж она решила, что вы достойны ее доверия. Я позволю вам остаться в моем доме, определю щедрое жалованье и стол, но слышать о вас я хочу как можно реже. Надеюсь, у вас хватит смекалки для того, чтобы это устроить.

– Ваша светлость, – наконец обрел дар речи дядюшка Абсалом, – я сделаю все, что

смогу.

– Вот и прекрасно! – герцог вновь одарил нас своей несравненной улыбкой. – Идите к госпоже Вейдене. Я отдам приказ управляющему, и вы не будете ни в чем нуждаться. Надеюсь, вы станете первым и последним лекарем, которого я принял на службу.

Дядя принялся истово кланяться и пятиться к двери. Я согнулась в три погибели и последовала за ним, но не удержалась и подняла голову, чтобы напоследок еще разок взглянуть на господина Огасто, все так же сидящего за столом. Лучше бы я этого не делала.

Красивое лицо герцога было мрачнее тучи.

Плохое настроение дядюшки Абсалома после беседы с его светлостью как рукой сняло. Он сиял словно новая корона и разве что не пританцовывал на месте. Я была прощена.

– Это самый замечательный герцог, которого я когда-либо видел! – произнес дядя в восхищении.

– И самый красивый, – поддакнула я.

– Неужто? – удивился дядя и задумался. – Да, я не заметил в нем проявления каких-либо недугов, отменный цвет лица... Скорее всего, его пищеварение работает как часовой механизм. Отличнейшие зубы. Да-да, я редко видел зубы в столь хорошем состоянии, а уж я их повидал немало...

– И что же мы теперь будем делать? – перебила я дядюшку.

– Как что? – удивился тот. – Найдем управляющего, передадим ему, что герцог велел обращаться к нам с почтением, и пусть нам подыщут комнату для жилья, да потеплее...

– А как же герцогиня? – нахмурилась я, посчитав, что дядюшка слишком легкомысленно отнесся к произошедшему, хоть в подобном недостатке он обычно обвинял меня.

– Милая моя, беда герцогини в том, что ей нечем себя занять, – отмахнулись от меня. – Подобные нелады случаются во всех богатых семьях. Не скажу, что я искушенный знаток в этой области, но уж придумать, чем развлечь скучающую молоденькую женщину, столь внимательно относящуюся к здоровью телесному и душевному, я смогу. Все же я был женат три раза, не забывай об этом!

Я промолчала, не желая напоминать о том, что две его жены подозрительно быстро упокоились на кладбище, а третья сбежала с бродячим театром. Семейная жизнь дядюшки Абсалома не могла служить образцом для подражания, однако он сам об этом никогда не задумывался.

– Интересно, сколько в сем дому пустующих комнат?.. – между тем разговаривал сам с собой дядя. – Здесь наверняка можно устроить настоящую лабораторию. Надо будет намекнуть герцогу... Так, сейчас же пойдем искать управляющего! – и он решительно направился по коридору.

– Ах, господин аптекарь! – вдруг раздался за нашими спинами голос госпожи Вейдены. – Я не думала, что вы справитесь так быстро! Ну скажите же мне наконец, что с ним?

– Ваша светлость! – дядя резко развернулся и поспешил ей навстречу, кланяясь на ходу. – Чтобы поставить диагноз вашему супругу, не потребовалось и пяти минут.

– Это излечимо? – герцогиня побледнела.

– Вне всякого сомнения!

– Что же за болезнь одолевает моего супруга? – Вейдена прижала руку к сердцу.

Дядя Абсалом важно откашлялся.

– Это черная хандра, – вынес он приговор. – Она часто нападает на людей в эту пору года. Признаки хвори его светлости появились в середине лета?

– Да...

– Так я и думал. Типичнейший случай, – дядя покачал головой. – Лечение будет долгим, но не волнуйтесь, все пройдет бесследно. Главное условие – абсолютный покой больного. Не стоит часто напоминать ему о болезни. Держите себя в его обществе как обычно, точно ничего не замечаете. А чтобы уменьшить ваши собственные страдания, вызванные тревогой о его светлости, вам следует немного отвлечься. Тем самым вы только ускорите его исцеление.

Герцогиня слушала новообретенного лекаря, затаив дыхание. От осознания собственной важности дядя каждую фразу ронял все более веско и к концу речи стал напоминать пророка, вещающего в кругу своих последователей.

– Вы – мое спасение! – горячо промолвила госпожа Вейдена, на лице которой наконец-то проступили краски. – Я сразу поняла, что именно вас послали милостивые боги мне на помощь. Ваше слово – закон, господин аптекарь.

Дядя порозовел от удовольствия.

– Не затруднит ли вас, ваша светлость, сказать, где найти мажордома? – важно осведомился он. – Чем скорее я обустроюсь здесь, тем быстрее приступлю к выполнению своих обязанностей. Видите ли, приготовление некоторых снадобий требует специальных условий...

И вот тут, глядя на довольного дядю и герцогиню, ломающую руки от волнения, я опрометчиво решила: «Наконец-то наши бедствия закончились! Вот оно, счастье!»

Позднее я не раз вспоминала этот момент как пример самого горького своего заблуждения.

Жизнь в доме герцога поначалу показалась мне сладкой, точно перезревшее яблоко, внезапно упавшее в руки с самой верхушки дерева. Нам с дядей отвели покои неподалеку от спальни госпожи Вейдены – то были большие и светлые смежные комнаты, которые раньше показались бы мне достойными любого короля. Но, увидев апартаменты ее светлости, я поняла, что до сих пор ничего не смыслила в роскоши. Даже дядя оробел, впервые переступив порог прекрасной комнаты, стены которой сверху донизу были затянуты шелком с золочеными узорами, но вскоре он освоился и уже через пару дней вел себя так, точно всю жизнь ступал по мягчайшим коврам и сживал в бархатных креслах. Как я уже говорила, дядюшка Абсалом был тем еще прохвостом, и смутить его надолго не смог бы ни один поворот судьбы, тем более настолько приятный.

Прочие слуги прозорливо нас возненавидели с первой же минуты нашего пребывания в герцогском дворце – слишком уж много почета оказывала нам госпожа Вейдена, верившая в любую чушь, которую важно изрекал дядюшка. Однако они недооценили пронырливость нового придворного лекаря: как плесень быстро расползается по отсыревшим доскам, после чего ее становится невозможно вывести, так и люди, подобные Абсалому Раву, незаметно приживаются в любом теплом углу, откуда их не успели тотчас же прогнать. Не теряя зря ни минуты, дядя разузнал, кто верховодит челядью явно и тайно, а затем истратил свой задаток на щедрые подарки тем людям, которых посчитал сколько-нибудь полезными для себя.

Не обращая внимания на мое фырканье и язвительные замечания, он также поставил у очага блюдце с молоком, в темном уголке повесил сушеный гриб на ниточке, а затем еще и в щель между половицами просыпал немного зерна.

– То-то обрадуются здешние мыши! – воскликнула я с насмешкой: в истории о домовых и всякой прочей нечисти я верила лишь в известной мере и полагала, будто этим созданиям нет никакого дела до просьб людей.

– Смейся-смейся, глупая девчонка, – пробурчал дядя и принялся громко просить благословения у духа-покровителя здешних стен, обещая, что с каждого жалованья непременно будет жертвовать по меньшей мере три медяка в казну местного хозяина подполов и погребов.

Мне с первого дядюшкиного заработка на службе у герцога Таммельнского перепало всего-то несколько платьев, одно другого унылее. Увидев их, я разругалась со своим родственником в пух и прах.

– Это тряпье не годится даже на то, чтобы мыть им полы! – кричала я, едва сдерживая слезы. – Я вышвырну эти обноски из окна! Пусть на них спят бродячие собаки, если не побрезгуют! Нет уж, лучше их сжечь!

– А вот и чепцы, – невозмутимо отвечал дядюшка Абсалом, раскладывая свертки с покупками. – И причесывайся как следует, несносная девчонка, если не желаешь, чтобы я насильно остриг твои космы. Я принят на службу в приличный дом. Пороча мое имя своим непотребным видом, ты порочишь тем самым и имя его светлости! Так-то ты отплатишь добрейшему герцогу за его милость?

Себе же дядя приобрел сразу несколько кафтанов из прекрасного сукна, бесчисленное количество рубах с вышивкой, плащи с ярким подбоем и несколько пар башмаков, сияющие пряжки на которых были величиной с куриное яйцо. Я поклялась, что больше никогда не заговорю с ним после этой обиды, но вскоре мне пришлось смириться с новым гардеробом и расстаться с пестрыми куцыми юбками.

Перемена в моем настроении произошла после того, как по дядюшкиному поручению я в одиночку отправилась на кухню, где вполне ожидаемо услышала свист, скабрезные восклицания и прочие знаки мужского внимания, которые, признаться, не были столь уж непривычными для меня. «Эй, рыжая-чумазя! Поди-ка сюда, танцовщица! До чего же славные у тебя ножки!» – развязно окликали меня подвыпившие гуляки все то время, что мы с дядей бродяжничали. В ответ дядюшке Абсалому приходилось раздражаться гневными речами, призванными защитить мою девичью стыдливость. Доставалось потом и мне самой, поскольку я, будучи по натуре девицей веселой и живой, порой и впрямь строила глазки выпивохам. Нам везло, и подобные случаи так и не обернулись существенными неприятностями для меня, должно быть, не такой уж писаной красоткой я казалась случайным ухажерам.

К стыду своему, раньше в подобном внимании я находила что-то лестное для себя, но здесь, в герцогском замке, эти окрики впервые заставили меня испытать острое чувство стыда. Отчего-то с той минуты, как я впервые увидела герцога, сама мысль о том, что ко мне пристают, посчитав своей ровней, всякие неотесанные грубияны, стала нестерпимой. Наконец-то я поняла, почему дядюшка Абсалом непрестанно увещевал меня держаться скромнее и даже советовал пришить к юбке снизу пару широких оборок.

«Что, если господину Огасто пожалуются, будто племянница лекаря ведет себя непотребно? – подумала я, покраснев до самой макушки. – Он и без того составил не самое высокое мнение о нас с дядей и не станет разбираться, что к чему. Решит, что я гулящая девка, да и все тут».

Как видите, уже тогда я твердо решила, что до ушей его светлости не должны дойти

какие-либо сплетни, выставяющие меня или дядюшку Абсалом в дурном свете. Мне бы полагалось догадаться, что герцогу нет никакого дела до морального облика столь ничтожного существа, как племянница ярмарочного шарлатана, взятого в дом светлейшей герцогиней из причуды. Однако в тот же вечер я безжалостно изорвала свои пестрые юбки, отмылась до скрипа, намазала нос едкой мазью для отбеливания веснушек и следующим утром вышла к дяде в одном из тех невзрачных серых платьев, что он купил для меня.

– Славно, славно, – пробормотал дядюшка Абсалом, осмотрев меня с ног до головы, после чего отправил собирать травы для целебных настоек. Близилась зима, и к тому времени дяде нужно было обзавестись порядочным запасом всяческой трухи, отварами которой он собирался потчевать всех обитателей герцогского дворца. Как он говаривал, лекарю лучше обмануть сто своих пациентов, нежели сказать хоть одному, что не знаешь лекарства от его хвори.

Я прихватила с собой корзину повместительнее и отправилась на поиск достаточно обширного пустыря, поросшего лопухом и чертополохом.

Дворец герцога Таммельнского был пугающим местом. О глубинных, истинных причинах чувства страха и тоски, который ощущали все люди, находящиеся в его стенах, мне рассказали позже; тогда же мне казалось, что бесконечные темные коридоры, узкие окна и крутые лестницы страшны сами по себе – я не была привычна к таким большим домам и боялась заблудиться в переходах и галереях. Хоть и не сразу, но я отметила, что покои герцога и герцогини были обставлены изящно и богато, прочая же обстановка выглядела откровенно древней и обветшавшей, точно великолепный некогда замок долгое время пребывал в запустении.

Помня о том, как развязно и недружелюбно повели себя слуги в тот раз, когда мне пришлось идти на кухню без сопровождения дядюшки Абсалом, я жалась к стене, когда видела кого-то из челяди, и не решалась обратиться с вопросами даже к самым безобидным на вид тетушкам. Мое скромное платье не слишком-то смягчило сердца прочих служанок – я все еще была выскочкой и обманщицей, пусть моего дядюшку многие из них уже признали обходительным мужчиной. Но и у милейших пожилых господ водятся бестолковые юные родственнички, от которых жди одной беды, оттого неприязнь, питаемая слугами к нам обоим, постепенно сосредотачивалась на мне – наглой рыжей девице, явно вознамерившейся мутить воду и морочить головы честным мужьям да невинным сыновьям.

Именно это мне объяснил мальчишка, окликнувший меня в тот момент, когда я взялась за кованую ручку высокой узорчатой двери, показавшейся мне похожей на входную.

– Ты что творишь, рыжая? – громко прошипел он, поднырнув под мой локоть и довольно грубо оттолкнув меня от двери. – Куда суешь свой нос?

Первым моим порывом было дать затрещину нахальному молокососу, выглядевшему не старше двенадцати лет, однако скалившему зубы так, точно ему исполнилось все шестнадцать. Но, вспомнив о том, что с сегодняшнего дня мне надлежит быть вовсе не той Фейн, что может затеять драку с мальчишкой в чужом доме, я всего лишь обозвала его гадючьим хвостом и собачьим отродьем, прибавив к этому еще пару-тройку ругательств.

– До чего ж у тебя черный язык! – с притворным ужасом воскликнул юный наглец, отпрыгнув от меня и попутно скорчив несколько гнусных гримас. – У твоего дядюшки-лекаря, поди, мыла не хватит, чтобы отмыть его добела!

– Ты кто такой? – фыркнула я, уже сожалея, что не пнула паршивца под зад.

– Меня зовут Харль, – охотно ответил он, внимательно следя за моими движениями,

чтобы успеть вернуться. – Люди говорят, что я болтливый бездельник и плут.

– Сдается мне, те люди довольно прозорливы, – проворчала я.

– А тебя они называют рыжей девкой, разодетой точно шлюха, и предсказывают, что ты скоро начнешь приставать ко всем мужчинам во дворце, а затем обворуешь своего бедного дядюшку и сбежишь с первым попавшимся мошенником, – невозмутимо ответил он. – Считаешь, этим словам можно верить?

– Ах ты, мелкий паршивец! – завопила я и запустила корзиной в Харля, залившегося смехом при виде моего гнева. – Да чтоб в твой грязный рот прыгнула жаба! Чтоб тебе лопнуть от водянки!

– Ох, простите, благородная госпожа! – весело кричал он, уворачиваясь от моих пинков. – Сразу и не признал в вас скромную барышню, обознался! Ваша светлость, смилуйтесь!

Я поняла, что и в самом деле веду себя скандальнее рыночной торговки, но покраснеть еще сильнее мне все равно не удалось бы. Мой чепец перекосялся, из-под него выбились рыжие пряди, а ноги запутались в нижней юбке. Что бы подумал герцог Огасто, увидев эдакую распустеху, раскричавшуюся среди бела дня? Невольно я вспомнила, каким нежным голосом произносила каждое слово госпожа Вейдена, как спокойно было ее лицо, как утонченны манеры, и от досады мне захотелось бежать куда глаза глядят. Я во второй раз попыталась отворить дверь, у которой стояла, но Харль вновь остановил меня, тут же посерьезнев.

– Что ты там забыла? – спросил он, понизив голос. – Какие дела у тебя могут быть в старом крыле? Если ты и впрямь ищешь, кому здесь строить глазки, то выбор твой удачным не назовешь!

– Ты о чем это говоришь, негодник?! – поперхнулась я. – Я ищу разве что выход из этого безумного дома! Дядюшка Абсалом отправил меня за травами, и мне нужно выбраться на какой-то пустырь, где козы еще не сожрали весь лопух!

– И ты думаешь, что лопухи растут за этой дверью? – спросил с насмешкой Харль.

– Да черт разберет, что там, за этой дверью! – вспыхнула я. – Ваш треклятый дворец похож на муравейник, из него нипочем не найти выход!

Мальчишка некоторое время изучающе смотрел на меня, точно проверяя, не вру ли я, а затем махнул рукой и сказал:

– Ладно, я проведу тебя. Вижу, ты и впрямь ничегошеньки не понимаешь.

Каким бы унижительным ни казалось мне покровительство со стороны двенадцатилетнего парнишки, поразмыслив, я приняла его предложение. Рассмотрев Харля получше, я заметила, что одет он куда богаче, чем обычный слуга, и поняла, что имею дело с сыном одной из дам, гостивших у герцогини и составлявших ее собственный двор. Я успела к тому времени повстречать нескольких фрейлин – то были степенные провинциальные матроны, гордившиеся тем, что получили место под кровом герцогского дома. Их многочисленные малолетние отпрыски, не придававшие пока особого значения сословным предрассудкам, играли во дворе с детьми слуг или шатались по коридорам замка в поисках какой-либо забавы.

– А что там, в старом крыле? – спросила я, едва поспевая за мальчиком. Харль оказался быстроногим, точно таракан.

– Туда лучше не соваться, – ответил он, вновь понизив голос, – да и вообще лучше не болтать о том, что там происходит. До чего ж ты глупая!

– Так объясни мне, чтобы я хоть в чем-то сравнялась в уме с тобой! – огрызнулась я.

– В старом крыле живут люди господина Огасто! – прошептал Харль, оглянувшись перед тем по сторонам.

– Эка невидаль! – снова ничего не поняла я. – Разве каждый в этом доме – не человек его светлости?

– О-хо-хо, – вздохнул мальчик, поняв, что я искренне недоумеваю. – Твоя голова и впрямь пуста, как кастрюля после ужина! Неужто ты не слыхала, что герцог Огасто – человек пришлый? Не слепа ли ты, часом, на оба глаза? Разве не видно за версту, что он чужак в этих краях?

Что-то эдакое я уже слышала от дядюшки, но, как мне показалось, он просто напускал на себя таинственный всезнающий вид. Я решила выпытать у прониры Харля все, что смогу. Мысленно посоветовав себе не обращать внимания на наглый тон мальчишки, я кротко попросила его помочь мне со сбором лекарственных трав для нужд лекаря, если он сам ничем не занят. Харль признался, что сбежал от учителя, нанятого для него матушкой, и охотно согласился. Я заподозрила, что он затем прихвастнет перед своими приятелями, такими же лоботрясами, будто завел пашни с рыжей девицей, но и с этим пришлось смириться – вряд ли кто-то другой захотел бы со мной откровенничать.

Чуть позже мне пришлось скрепя сердце поблагодарить его и за то, как сноровисто он провел меня по узким городским переулкам к месту, где можно было легко перебраться через остатки городской стены. Сама бы я нипочем не отыскала эту тропинку, ведущую к заброшенному полю около развалин старого фермерского дома, некогда стоявшего в отдалении от остального предместья. Лопухов, полыни и чертополоха здесь обнаружилось превеликое изобилие – давно уж этих земель не касался плуг землепашца, уголья одичали и перешли в ведение полевых и лесных духов, только и поджидающих, чтобы вернуть себе утраченные некогда владения.

Солнце припекало все сильнее, в воздухе дрожало марево, неподалеку два аиста бродили по пригоркам в поисках ящериц и лягушек, а над нашими головами чирикали потревоженные воробьи, перелетавшие с куста на куст. В душе моей воцарился покой. Впервые я подумала о нашем с дядюшкой доме в Олораке безо всякой тоски – до этого он часто снился мне, и при виде зеленых предместий тех городов, что мы обошли, всегда вспоминалось, как тиха и размеренна была наша жизнь когда-то.

За то время, пока мы с мальчишкой собрали корзину всяких пожухших стеблей, названия которым я придумывала на ходу, переняв это умение от дядюшки Абсалома, мне удалось разузнать многое о жизни во дворце герцога. Харль был отъявленным сплетником и хранил в своей памяти бесчисленное количество мелких тайн. Природа одарила его хорошо подвешенным языком, и об этом мальчишка знал. Должно быть, его красочные истории здесь выслушивали, затаив дыхание, и он порядочно обнаглел, привыкнув к всеобщему вниманию, – я не раз замечала это дурное свойство у многих балагуров и талантливых рассказчиков.

– Значит, господин Огасто совсем недавно прибыл в ваши края? – спросила я первым делом о том, что занимало меня более всего остального.

– Пару лет назад он появился здесь со своими наемниками, провалиться им пропадом, – сплюнул Харль. – Наш прежний господин умер бездетным – в эту глушь он приезжал лишь поохотиться да отдохнуть от шума столицы. Старый герцог, мир его праху, приходился двоюродным братом королю Горденсу. После того как он упокоился, началась долгая тяжба

между прочими королевскими кузенами, и некоторое время после его смерти эти земли подчинялись наместнику, славному доброму господину... Но тут с востока пришла беда, король наш искал помощи, вот и принял на службу этого южанина с его наемниками, пообещав взамен руку своей дочери. Да еще и герцогство за нею дал...

– Госпожа Вейдена – настоящая принцесса? – охнула я потрясенно.

– Истинно так! Добрее и прелестнее принцессы ни в одном другом королевстве не сыскать, – с неподдельной гордостью произнес Харль. – Разве ты не видела ее вблизи? От такой красоты в душе ангелы поют! Вот только этот божий дар не принес ей счастья...

Я тихонько вздохнула, признавая его правоту. Госпожа Вейдена была дивной красавицей, да еще так ласково обходилась с дядюшкой Абсаломом! В моей голове не должно было возникнуть и тени тех дерзких, глупых мыслей, что одолевали меня с той поры, как я увидела герцога Таммельнского.

– В этих краях была война? – я пыталась припомнить хоть что-то, но, увы, пару лет назад до моих ушей доходили известия лишь о том, что происходило на соседних улицах, – что уж говорить о событиях в чужих королевствах!

– Типун на твой черный язык, – Харль сделал отвращающий беду жест – таким же отгоняли сглаз и в моих родных краях. – Сюда война не дошла, хотя немало добрых таммельнцев, призванных в войско его величества, не вернулись в свои родные дома. Но зря мы радовались тому, что беда нас миновала. Вскоре сюда прибыл господин Огасто с самыми отъявленными из своих головорезов, да еще и...

Тут он замялся, и хитрое лицо его омрачила неподдельная тревога.

– Ты хотел что-то сказать о хвори господина Огасто? – предположила я, гордясь своей проницательностью.

– К лешему эту его хворь, пусть хоть совсем рехнется и перестанет выходить из своих покоев, – выпалил мальчишка, не сдержавшись, и тут же зажал себе рот, но затем продолжил, раззадоренный видом моего удивленного лица. – Я хотел сказать о том, что он притащил с собой! Мерзкую нечистую тварь!

– Нечистую тварь? – я почувствовала, как холодок пробежал по моей спине.

– Ну да, настоящего нелюдя, – Харль вздрогнул и еще трижды повторил отвращающий жест. – Ведь тогда на нас шло войной не соседнее королевство, а темная сила с северных гор! Те из наших, кто побывал на той войне, до сих пор плюются, когда вспоминают, каких гнусных дьявольских созданий им приходилось убивать в бою. Для эдакой-то погани и слов в человеческом языке нет! Кабы не господин Огасто – пропадать нам всем, уж больно безжалостен и силен был враг. Одно дело, когда в твои земли приходит иной король, пусть даже и порядочный кровопийца, а другое – когда власть над людьми берут чудовища.

– Так что же, господин Огасто взял в плен короля тех чудовищ? – от ужаса у меня едва ворочался язык. В моих тихих, спокойных родных краях о таком можно было услышать разве что в старой страшной сказке.

– Да почем мне знать? – Харля аж передернуло всего от отвращения. – Я тайно от матушки в щелку подсмотрел, как вносят в замок гроб, окованный цепями, и больше ничего не видал. Его спустили в подземелье, выставили охрану и объявили, что никому, кроме верных людей нового герцога, в то крыло ходу нет. Наемники сущими разбойниками оказались, и не вздумай к ним соваться! Они из тех, кому война – родная мать, ведь там можно жечь и убивать сколько душе угодно. Если увидишь где случайно их страшные смуглые рожи, прячься от греха подальше.

– Откуда же родом господин Огасто? – я вновь вернула разговор к герцогу, мысли о котором становились все навязчивее.

– Никто не знает, – отозвался Харль, к тому времени забывший о сборе трав и лениво разлегшийся на старом камне, нагретом солнцем. – Чего только не рассказывают о нем! Я слышал, что он родился на далеких островах, где поклоняются морским чудовищам, а его мать – морская ведьма, которая раз в сто лет выходит на сушу, превратившись в красивую девушку, а по спине у нее идет полоса черной с золотом чешуи. Тому, кто найдет такую чешуйку во время отлива, в море всегда будет сопутствовать удача, его корабль не потопит даже самый суровый шторм, а сирены и кракены станут держаться в стороне. Капитаны и пираты за такой талисман готовы отдать целое состояние.

Но горе тому, кто встретит ведьму ночью в полнолуние, когда она втирает в свою белоснежную кожу лунный свет, собранный с водной глади... Вскоре израненное тело несчастного вынесут на отмель волны, а спустя некоторое время на берегу найдут младенца, на теле которого в укромном месте есть ведьмин знак – та самая черная чешуйка. И стоит ее вырезать серебряным ножом, как младенец превратится в отвратительного морского гада, точь-в-точь как сама ведьма без человеческой личины. Убить того ребенка нельзя, ведь на город обрушится гнев моря и проклятие ведьмы, но едва сыну ее исполняется восемнадцать лет, его изгоняют из города и запрещают возвращаться...

Речь мальчишки стала вдохновенной, напевной, глаза горели, как это часто случается с увлеченными рассказчиками. Невольно увлекшись его сказками, я присела рядом и вскоре почувствовала, что меня вот-вот одолеет дремота – солнце пригревало так ласково...

– ...А другие говорят, что мать герцога Огасто была дочерью знатного господина с юга, дерзкой и своенравной девицей. Как-то раз она побилась об заклад, что пойдет на кладбище в ту ночь, когда мертвые выходят, чтобы отведать угощение, оставленное для них родственниками. Все отговаривали ее, но она никого не послушала. Стоило ей ступить на кладбищенскую землю, как луна вышла из-за туч, и девушка увидела весело пирующих мертвецов, в чьих бездонных глазницах пылал огонь преисподней. Но гордая южанка преодолела страх и смело пошла вперед.

Мертвецы, завидев ее, принялись ласково приглашать девушку к своему столу и уговаривали съесть хоть крохотный кусочек поминального пирога. Она не слушала их и шла все дальше, дальше, пока не очутилась за кладбищенской оградой. К тому времени она очень утомилась, а столы у склепов ломились от яств, вид которых заставил бы изнывать от голода любого. Но девушка помнила, что нельзя прикасаться к пище покойников. Тут она заметила, что на большом камне за оградой лежит чудесное сочное яблоко, светящееся во тьме. Девица не удержалась и откусила от него кусочек, после чего упала в беспамятстве.

Через девять месяцев она родила сына, который сначала показался повитухе мертвым: он не дышал и не издавал даже тихого писка. Но только все решили, что младенец умер, как глаза его моргнули! Девушка же отошла в мир иной сразу после родов, успев признаться перед смертью, что съела проклятое яблоко в поминальную ночь. Люди пошли на то место, увидели старый камень – всё, как покойница и описала.

Самая древняя старуха в округе припомнила, что некогда там был похоронен нечестивый самоубийца, виновный в смерти многих добрых людей. Его имя было проклято, оттого на камне и не выбили ни буквы, ни знака. О происшествии этом запретили говорить, сына бедной покойницы отослали в далекий монастырь, а саму ее похоронили с пышностью и почетом. Ноне прошло и семи дней, как надгробье на ее могиле оказалось разбитым,

погребение раскопано, а следы, от которых разлило тленом, вели к старому камню за оградой кладбища. Земля там была рыхлой, но никто так и не решился раскопать могилу самоубийцы, чтобы проверить, лежит ли там тело той, кто стала его посмертной женой...

– Ох и горазд же ты языком плести, – с некоторым презрением произнесла я, не дав Харлю начать третью историю о рождении господина Огасто. – Не трудись, я и сама таких баек сочинила добрую сотню в обмен на обед или ужин у случайного костра. Расскажи-ка лучше, давно ли за его светлостью водятся странности, о которых все говорят? Правда ли то, что его одолевают приступы душевной болезни?

Мальчишка принялся морщить лоб, припоминая.

– Сказать по чести, в те времена, когда господин Огасто прибыл в Таммельн, наша семья не так уж часто бывала во дворце, не по чину нам это было, – ответил он неохотно. – Матушка извелась вся, чтобы попасть в свиту ее светлости. С госпожой Вейденой прибыли несколько столичных дам, но разве для королевской дочери этого достанет?.. Все семейства Таммельна, считавшие себя благородными, едва не передрались, когда предлагали своих дочерей в наперсницы новой герцогине. Но к тому времени, как мы с матушкой обжились во дворце и осмотрелись, господин Огасто уже начал хворать, хотя о том поначалу и запрещали говорить. Слышал, что он с первых дней повел себя нелюдимо, точно не сам выторговал для себя Таммельн. Вот и вышло, что у госпожи Вейдены есть свой двор, к ее светлости все горожане идут со своими бедами, а его светлость лишь со своими наемниками ведет беседы да вполуха слушает отчеты управляющего, точно ему нет никакого дела до своих владений. Приступы его в тайне держать не вышло, вскоре уж все в округе знали, что рассудок господина Огасто помрачен. Да он и сам о том знает – прячется от всех, молчит, а затем выходит из своих покоев, будто из могилы подымается.

– Из-за чего же приключилась его болезнь? – задумчиво спросила я, не ожидая, что на этот вопрос мне кто-то даст ответ, однако Харль с готовностью принялся рассуждать:

– Быть может, старой каменной пыли надышался – она, поговаривают, раньше многих с ума свела. Дворец-то построен на камнях, которые остались еще от эльфов, и как ни бились чародеи – а в старые времена их множество здесь водилось, и преискусных! – вредное колдовство из подземелий так и не вывели. Если в самую короткую ночь года положить себе в башмак веточку зверобоя, перо ворона и коготь черной кошки, а затем спуститься в старые переходы, что под землей, то можно увидеть, что одни камни под ногами серые, обычные, а иные с нанесенными знаками. Если с такого меченого камня соскрести чуток плесени, высушить ее и затем подмешать в питье человеку, тот непременно сойдет с ума. Потому-то слуги и не хотят спускаться в подземелья: к ноге эльфийская магия пристанет, позабудешь перед своим порогом ноги вытереть, да и внесешь непотребство в свой дом! А господин Огасто частенько спускается вниз, чтоб посмотреть на своего пленника...

– На чудовище? – скривилась я от отвращения.

– Вот и все говорят – зачем на эдакую мерзость смотреть? – согласился со мной Харль. – Это похуже эльфийской магии будет! Многие подозревают, что герцог теряет рассудок оттого, что ведет беседы с той тварью. Бывает, что одним словом с ночной ведьмой перемолвишься, не признав ее в темноте, так она душу потом из тебя высосет за пару недель. А тут уж который год нечистая сила под боком козни свои творит – что ей цепи, что ей стены? – Он понизил голос и продолжил: – Поговаривают, что хотя то чудовище взяли в плен, но и господин Огасто очутился в его власти. Да он и сам неизвестно какого роду-племени...

– Неужто господин Огасто – не человек? – с насмешкой спросила я, поняв, что

мальчишка вновь принялся сочинять.

Уязвленный Харль сердито шмыгнул носом, но спорить не стал:

– Господин Огасто, быть может, и людской крови, а вот тот, кого он привез с собой и запер в подземелье, – истинное чудовище, тут уж можешь быть уверена. Всякому известно, что одолеть нечистую силу без колдовства невозможно, вот и рассуди сама – честный человек наш новый герцог или нет.

– Колдовство! – с еще большим презрением воскликнула я, сморщив нос.

– Хочешь сказать, глупышка Фейн, что не веришь в колдовство? – рассердился Харль, явно привыкший к тому, что его рассказы вызывают у слушателей страх с примесью восхищения, а не насмешку. – Не требуется большого ума, чтобы любую историю назвать байкой! Признайся просто, что в твоей скучной жизни не случилось ничего интересного, оттого ты и смеешься над истинными чудесами!

– Такие рассказы стоили мне немалых бед, и я не скрываю, что не люблю их, – пробурчала, помрачнев. – Длинные языки суеверных кумушек перемывали мне кости, сколько я себя помню. Я ведь восьмая дочь восьмой дочери, да еще и уродилась рыжей незнамо в кого...

Мальчишку мои слова не на шутку встревожили, он уставился на меня с подозрением.

– Восьмая дочь восьмой дочери? – переспросил он. – В наших краях это считается недобрым знаком!

– То-то и оно, – зубы мои скрипнули от давней досады. – Все сразу сошлись во мнении, что я – урожденная ведьма с дурным глазом. Так и вышло: батюшка-то мечтал о сыне, а получил рыжую восьмую девку. Вот с той поры все в моем семействе и пошло наперекосяк. Родителям пришлось уехать из родных краев, но дурная слава шла за нами по пятам. Матушка моя решила, что отправит меня в Олорак к своему брату – моему дядюшке – в надежде, что туда нескоро слухи дойдут. Лишь пару раз после этого мне позволили увидеть сестер, а затем родители запретили мне переступать порог их дома, не желая, чтобы вновь начались пересуды. Обо мне распустили слух, будто я умерла. Некоторое время жила с дядюшкой Абсаломом, а затем кто-то пронюхал, почему от меня отказалась родная семья, и вскоре лавку дядюшки сожгли, вменив мне в вину все бедствия, что произошли в городе за пять лет, если не больше. Нам пришлось убираться подобру-поздорову, чтобы не попасть в тюрьму по обвинению в колдовстве. Пораскинъ-ка мозгами, Харль, – жила бы я так дурно, обладай хоть толикой каких-то волшебных сил?

Мальчишка, задумавшись, кивнул.

– Уж веснушки эти ты точно могла бы свести, – согласился он, но затем по изменениям в его остроносом лице стало видно, что опаска в нем снова взяла верх, помножившись на врожденную болтливость. Я поняла, что Харль уже воображает, как принесет в герцогский дом удивительную весть о племяннице лекаря.

– Не вздумай тут же об этом разболтать, паршивец! – Я нахмурилась, уже сожалея о том, что разоткровенничалась. – Стоит мне услышать за своей спиной обвинения в колдовстве, как я тут же донесу ее светлости, что ты сочинил сплетню, будто господин Огасто – сын морской ведьмы и покойника!

– Тебе никто не поверит, пришлая! – огрызнулся Харль, но в словах этих не слышалось уверенности.

– Зато госпожа Вейдена верит дядюшке Абсалому! – ответила я с угрозой.

Харль не привык к тому, чтобы ему затыкали рот, – я видела это по его насупленным

бровям и сверкающим глазам, но он и впрямь чрезмерно разболтался, пытаясь произвести на меня впечатление. Думаю, герцогиня разгневалась бы не на шутку, узнав, как очерняют имя ее супруга, но уступать мне малолетний негодник не желал. Наверняка наша ссора затянулась бы и мы с ним славно потаскали бы друг друга за вихры, но тут Харль вдруг побледнел, завидев что-то за моей спиной, и быстро спрыгнул с камня, точно собираясь бежать со всех ног, как вспугнутая мышь.

Я оглянулась и увидела, что к нам приближается всадник, появившийся из-за ближнего холма.

– Его светлость! – прошептал Харль, округлив глаза.

– Господин Огасто? Без сопровождения? – Страх мальчика передался и мне – я задрожала, видя, что всадник направляется в нашу сторону.

– Он часто выезжает из замка один, – быстро ответил Харль, взгляд которого тревожно забегал по округе. – Никто не знает, куда и зачем он ездит, но повстречать его – не к добру!

– Еще бы! – пробормотала я. – Стоит ему понять, что мы тут бездельничаем и чешем языки... А ну-ка быстро рви вон те листья и складывай их в корзину!

Сама я тоже бросилась ломать первые попавшиеся стебли, изображая, будто все мое внимание сосредоточено на этой важнейшей работе.

Герцог Огасто, которого до сей поры я видела всего один раз, приблизился к нам, и мы с Харлем принялись кланяться, наперебой желая ему доброго дня. Он некоторое время рассматривал нас, точно не в силах припомнить, где раньше видел наши лица, но затем рассеянный взгляд его упал на мои волосы, выбившиеся из-под чепца.

– Племянница лекаря! – произнес он, едва заметно улыбнувшись. – Ты сменила наряд. Я не сразу узнал тебя, рыжая девочка. Что ты делаешь в таком диком месте? И кто это с тобой?

– Ваша светлость, я Харль Лорнас, – торопливо произнес мой юный спутник, еще раз поклонившись. – Моя матушка, Эрмина Лорнас, состоит при госпоже Вейдене. Я вызвался помочь господину лекарю, и тот сказал, что я могу пойти вместе с его племянницей...

– Мы собираем лекарственные травы, ваша светлость, – перебила я речь Харля, с которого стало бы наврать с три короба, раз уж он приплел сюда дядюшку Абсалома, зная не знавшего ни о каком Харле Лорнасе. – Осталось не так уж много времени до наступления холодов, и нужно сделать запасы на зиму.

По лицу герцога нельзя было с уверенностью сказать, что он меня слышит, – взгляд его все то время, что я говорила, был направлен куда-то вдаль. При свете дня он казался еще красивее, каждая черточка его лица смотрелась одновременно и резче, и тоньше. Теперь я поняла, что герцог молод, куда моложе, чем мне подумалось во время нашей первой встречи, – ему сравнялось не более тридцати лет. На своем гнедом тонконогом коне он сидел уверенно, и в каждом его движении сквозило изящество, сила и ловкость, свойственные тем, кто учился искусству наездника с самого раннего детства. Он совсем не походил на предводителя жестоких наемников, но в том, что этот мужчина привык повелевать и приказывать, сомневаться не приходилось.

– Стало быть, господин лекарь выполняет свои обязанности с похвальным рвением, – задумчиво произнес господин Огасто, а затем пристально посмотрел на меня, отчего мои колени подкосились. – Но все же мне не хотелось бы, чтобы с тобой, племянница лекаря, случилась какая-нибудь беда. Даже в мирное время милых девочек подстерегает немало опасностей, особенно если их волосы так ярко горят на солнце. Вот, держи за свои труды, – он бросил на землю пригоршню монет, блеснувших медью и серебром. – Возвращайся

поскорее к своему дядюшке. Думаю, ему хватит тех трав, что ты уже собрала.

– Ваша светлость, – едва слышно промолвила я, покраснев. – Вы чересчур милостивы и щедры ко мне. Мой труд не так уж тяжел...

– Судя по твоим рукам, Фейн, он не так уж и легок, – мягко ответил господин Огасто, отворачиваясь от нас, и спустя несколько мгновений его конь уже скакал прочь.

Я невольно бросила взгляд на свои руки и увидела, что впопыхах собрала целую охапку злой старой крапивы, из-за которой моя кожа уже покрылась большими алыми волдырями. Только теперь я ощутила, как жгутся листья, и с проклятиями отшвырнула крапиву. Харль тем временем уже собирал монеты, припав к земле, как ящерица.

– Эй, ты что это задумал? – вскричала я и оттолкнула его, позабыв о том, что мальчишка-то повыше меня положением будет. – Его светлость наградил меня, а не тебя, болтуна и сплетника!

Все-таки нам с Харлем суждено было подражаться в первый день своего знакомства. Сил я не жалела, и не потребовалось много времени на то, чтобы Харль наконец-то проникся своеобразным уважением ко мне и запросил мировую.

– Я тебе не какая-то трусливая местная девчонка, боящаяся глаза поднять от земли! – прошипела я, отряхивая юбку. – Уж не избалованному сынку придворной клуши со мной тягаться!

– Еще бы! – проворчал Харль, отплевываясь от мусора, набившегося ему в рот, когда я возила его лицом по земле. – Бродячие собаки кусачи!

Итак, начало нашей дружбе было положено – слишком уж много лишнего мы друг другу наболтали, чтобы не желать в душе перемирия. Да и странная встреча с герцогом смущала наши умы.

– Что скажешь, Харль, – с беспокойством произнесла я, когда впереди показались ворота дома его светлости. – Не выйдет ли из этой встречи беды? Часто ли господин Огасто ведет такие разговоры со слугами?

– Признаться, никогда раньше не слыхал, чтобы он хоть кого-то называл здесь по имени, не считая госпожи Вейдены, – отвечал Харль, также морщивший лоб от размышлений. – Не знаю, что и думать. Но он был щедр с тобой и, стало быть, не разгневался, хоть ты заговорила с ним без его дозволения. Другой господин непременно приказал бы отхлестать тебя той самой крапивой да удержал бы половину жалованья...

– Вот и славно, что я служу доброму герцогу Огасто, а не какому-то вздорному извергу, – хмыкнула я. К тому времени у меня получилось выпытать у Харля, что семейство Лорнасов и по меркам Таммельна не имеет отношения к настоящей знати, оттого матушка моего случайного приятеля весьма дорожит своим местом при герцогине. После того как волей судьбы дядюшка Абсалом стал личным лекарем его светлости, не такая уж высокая ступенька отделяла меня от мальчишки, и я не собиралась это упускать из виду.

Весь оставшийся день я готовила снадобья для дядюшки, так и не признавшись ему в том, что видела герцога. Мне подумалось, что дядя Абсалом, узнав о моем разговоре с его светлостью, запретит мне ходить на окрестные поля, и я никогда больше не смогу повстречать господина Огасто при столь располагающих к беседе обстоятельствах. А повстречать его и вновь услышать, как он называет меня по имени, стало моей самой жгучей и тайной мечтой. Много ли надо девушке, чтобы поверить, будто ее чувства получают ответ? Мне с лихвой хватило того, что господин Огасто вспомнил меня и мое имя, а затем заметил ожоги от крапивы на моих руках.

Казалось, сама судьба благоприятствует тому, чтобы мы еще раз повстречались: дядюшка Абсалом решил, что мне следует как можно реже показываться на глаза ее светлости – мои манеры были грубы, а язык неводержан. Дядя не раз говаривал, что тяготы жизни куда сильнее огрубляют юных людей, нежели зрелых, – так оно и вышло. Если новоиспеченный придворный лекарь с легкостью избавился от вульгарных замашек, приобретенных под влиянием бедственных обстоятельств жизни, то ко мне они прилипли намертво. Разумеется, дядюшка пытался привить мне навыки вежливого обхождения с благородными особами, но иллюзий не питал и трезво полагал, что времена, когда глаза герцогини и ее придворных дам не будут оскорблены моим присутствием, наступят нескоро. Сам он проводил в покоях госпожи Вейдены большую часть дня, мне же изобретательно находил другие занятия. Я с нетерпением ждала того момента, когда дядюшка удовлетворится количеством сора, в который я перетираю высушенные травы, и отправит меня за новой охапкой чертополоха.

Для моего недавнего знакомца, Харля Лорнаса, наш разговор не остался просто мимолетным впечатлением – он частенько пробирался в дядюшкину лабораторию и с интересом следил за тем, как по стеклянным трубкам течет коричневая мутная жидкость. Его матушка, насколько я поняла, до сих пор не разгадала тайну исчезновения сына, чем тот был необычайно доволен.

Как-то раз он проболтался, что с утра видел, как господин Огасто покинул дворец в одиночку. Я горячо взмолилась всем богам в надежде, что у меня получится вновь попасть на тот пустырь, где мы встретились с его светлостью, и кто-то из небожителей, любящих пособлять людским безумствам, не остался равнодушным к моим просьбам. Дядюшка Абсалом в тот день и впрямь решил, что успокоительная настойка пустырника не окажется вредным излишеством в этом суетном доме. Ни разу до того я не радовалась так, выслушивая его сварливые указания! Схватив корзину, я ринулась к черному ходу из дворца, дорогу к которому уже могла найти и без Харля. Неизвестно, что подумали прочие слуги о том, почему племянница лекаря с ошалевшим видом перепрыгивает через три ступеньки, но меня это не волновало – все мысли мои были о господине Огасто.

Сбылось проклятие гадалки – я совсем позабыла о том, что герцог женат, да и мысль о разнице в нашем происхождении я старательно отгоняла, внушая себе, что истинная любовь не ведает преград. Все время мне вспоминалось, как джеркана обещала мне любовь знатного таинственного господина, и этого мне оказалось достаточно – госпожи Вейдены словно не существовало в моем мире грез. Да, она была красивее меня, и в каждом взмахе ее ресниц заключалась утонченная, возвышенная прелесть, которой отродясь не имелось в моем открытом, простом лице, но во мне достало безрассудства, чтобы посчитать, будто герцог откликнется на мои пылкие, искренние чувства, так отличающиеся от сдержанной нежности герцогини. Спроси кто у меня в ту пору – готова ли я снести позор, таиться, обманывать, забыть о гордости – и я ответила бы утвердительно, ни секунды не задумываясь. Впервые в жизни я влюбилась, и чувство, о котором ранее размышляла с опаской, показалось мне прекрасным и мучительным одновременно.

Очувившись на заброшенном поле, я, вспомнив слова господина Огасто о том, как ярко горят на солнце мои рыжие волосы, сорвала с головы ненавистный чепец. Мне хотелось, чтобы на голове моей пылало настоящее пламя, которое герцог уж точно увидит издалека. Мысли мои беспорядочно кружились в голове – я то торопливо срезала маленьким изогнутым ножом первые попавшиеся стебли, то роняла охапку трав на землю и застывала,

всмаатриваясь вдаль – туда, где в мареве знойного полдня дрожали силуэты приземистых деревьев, из-за которых в прошлый раз показался всадник на тонконогой породистой лошади.

Когда я окончательно разуверилась в том, что сегодня мы с господином Огасто повстречаемся, судьба решила проучить меня за потворство нелепым сердечным страстям. Из развалин старого фермерского дома показались двое бродяг весьма опустившегося вида, и, разумеется, мои растрепанные рыжие волосы обратили на себя их внимание – маленькая хитрость сработала вовсе не так, как мне хотелось. Я услышала их пьяные недобрые окрики слишком поздно – мужчины уже успели отрезать мне путь к городу.

Похожие неприятности уже случались в моей жизни, поэтому я не стала терять времени и, развернувшись, со всех ног помчалась к рощице, перепрыгивая канавы и невысокие кусты как заяц, – бегала я быстро и ловко и поначалу отнеслась к своему приключению не столь серьезно, как следовало бы. Бродяги же решили, что погоня за мной – довольно забавное развлечение, и с веселыми криками последовали за мной. Не успела я подумать, что им, испитым забулдыгам, нипочем меня не догнать, как ноги запутались в проклятой юбке – новое платье было по меньшей мере на две ладони длиннее моего прежнего, – и я неловко покатила кubarем. Вскочив на ноги, я почувствовала, как меня накрывает запоздалый страх: преследователи значительно сократили расстояние, разделявшее нас, а моя левая нога подворачивалась каждый раз при попытке на нее ступить.

Звать на помощь здесь не имело смысла – ближайший жилой дом в предместье находился довольно далеко для того, чтобы его обитатели могли слышать даже самые истошные крики, и я, сжав зубы, перехватила покрепче свой небольшой нож, хоть и не верила всерьез, что смогу оказать достойное сопротивление двоим взрослым мужчинам. «Быть может, они поймут, что при себе у меня нет ничего ценного, и отпустят», – тщетно пыталась успокоить сама себя.

Но судьба, слегка проучив меня, смилостивилась – я услышала приближающийся перестук лошадиных копыт, и вскоре конь господина Огасто гарцевал рядом со мной.

– Я же говорил тебе, племянница лекаря, чтобы ты не бродила в одиночку по заброшенным полям, – произнес герцог и, повысив голос, обратился к замершим неподалеку бродягам, которые выглядели теперь куда испуганнее, чем я пару минут назад. – По какому праву вы преследуете честных женщин в моих владениях? Согласно здешним законам за это полагается позорный столб! Эта девушка к тому же служит в моем доме – быть может, подобное оскорбление стоит и виселицы!

– Прощения просим, пресветлый господин! – упал на колени один из пьяниц. – Да кто ж мог знать, что рыжая девка – честная женщина? Известно, что все рыжие – либо ведьмы, либо отродье распутной лесной нечисти! Да чтоб у меня язык отсох и другое всякое, если я обижал когда приличных девиц!

– Отсохнет, не сомневайся! – запальчиво выкрикнула я, утирая разбитый при падении нос. – Уж коли я ведьма, то мое слово сбудется!

Несомненно, я бы прибавила к этому еще пару цветистых обещаний, но, вспомнив о том, что мои речи слышит и господин Огасто, смутилась и прикусила язык.

– Убирайтесь прочь, – после недолгих размышлений красивое лицо герцога вновь приобрело отстраненное выражение, и он с брезгливостью взмахнул рукой в сторону бродяг. – Если когда-нибудь кого-то из вас приведут ко мне на суд хотя бы из-за украденной курицы – отправлю на виселицу без раздумий.

Трусливым разбойникам конечно же понравилось это предложение, и спустя пару

мгновений только примятая трава указывала на то, что они еще недавно топтались на этом самом месте.

– Благодарю вас, ваша светлость, – пролепетала я, волнуясь теперь в десяток раз сильнее, чем во время своего бегства. – Вы спасли меня...

– Тебе повезло, девочка, – ответил господин Огасто, бросив на меня взгляд, в котором я увидела что-то вроде сочувствия. – Но не стоит излишне часто полагаться на везение. Ты вновь собирала травы?

– Да, ваша светлость, – едва слышно промолвила я, покраснев. – Моя корзина осталась там, на поле. Мне нужно вернуться за ней...

Но, попытавшись шагнуть, я безо всякого притворства скривилась от боли – ушибленная нога не желала мне повиноваться. Герцог некоторое время наблюдал за тем, как я пытаюсь приноровиться к болезненным ощущениям, а затем безо всяких пояснений спешил и одним движением легко усадил меня на своего коня.

Я пискнула от неожиданности – до этого я ни разу не ездила верхом. Конь господина Огасто показался мне настоящим дьяволом – глаза его горели лютым огнем, и сердце мое как безумное билось от страха, смешанного со смущением. Герцог, не обращая внимания на то, как неловко я цепляюсь за луку седла, вел коня в сторону заброшенного фермерского дома. Путь наш проходил отнюдь не по тем канавам и кустам, по которым я мчалась, не чуя ног, оттого занял куда больше времени. Первые несколько минут я пыталась справиться с волнением, герцог же молчал, не выказывая признаков каких-либо чувств. В том я видела счастливое стечение обстоятельств – заговори он со мной сразу же, я не смогла бы произнести в ответ и пары слов, показав себя вовсе неотесанной и глупой девицей. Но к тому моменту, как он обратился ко мне, я несколько пришла в себя.

– Твой родственник нарушил мой приказ, – произнес господин Огасто. – Я сказал, чтобы он больше не посылал тебя в эти глухие места за травами.

– Не гневайтесь на него, ваша светлость, – всполошилась я, сообразив, что оказала дядюшке Абсалому очередную медвежью услугу. – Я утаила от него тот случай. Он не знает о вашем приказе, и в том лишь моя вина, простите меня...

– Отчего же ты не передала ему мои слова? – в голосе господина Огасто звучало легкое удивление безо всяких признаков гнева, и я расхрабрилась.

– Мне бы тогда и шагу ступить из наших комнат не позволили, ваша светлость, – честно ответила я. – А я хотела бы хоть изредка выходить из вашего дворца в одиночестве, без надзора.

– И зачем же ты хочешь выходить из моего дома в одиночестве? – чуть насмешливо спросил герцог, и нотки, прозвучавшие в его голосе, заставили меня потерять голову.

– А отчего вы уезжаете из дворца без сопровождения? – ответила я вопросом на вопрос и тут же, испугавшись собственной дерзости, начала просить прощения за свою болтливость.

Господин Огасто знаком показал, что не придал серьезного значения моему нахальству, и ответил:

– Верно подмечено, маленькая Фейн. Но не думаю, что причины для уединения у нас схожи. Я и впрямь иногда устаю от старого дворца. Меня одолевает тоска при виде его стен, и я сбегая от черных мыслей и тяжелых воспоминаний. Иной раз одиночество среди полей не так страшно, как одиночество среди людей. Я сомневаюсь, что в твоей милой головке рождаются столь тягостные образы, и вряд ли тебе стоит подвергать себя опасности, как сегодня, из-за пустой прихоти.

– Но... но почему вам плохо во дворце? – я запинаясь, но превозмогала страх, понимая, что нельзя упустить удивительную возможность вызвать господина Огасто на откровенный разговор. – Вас почитают и любят...

– Ты уже наверняка знаешь, что это не так, Фейн, – тон герцога был отвлеченным и словно располагал к тому, чтобы я продолжала свои расспросы. – Я чужак в этих краях, за мной по пятам идет дурная слава. Сами стены этого дома ненавидят меня за то, что я объявил себя их господином.

– Но ваша жена, госпожа Вейдена, вас очень любит! – воскликнула я, не веря, что мой язык осмелился произнести эти слова. – Разве этого недостаточно, чтобы чувствовать себя счастливейшим из смертных? Каждый человек мечтает быть любимым, ведь чувства, обращенные на него, возносят его над остальными! И напротив, как несчастен человек, которого никто не любит...

– Стало быть, ты хочешь, чтобы тебя любили все, кто встречается на твоём пути, Фейн? – Его светлость оглянулся, словно ища в моем лице что-то такое, чего раньше не заметил.

– Да, – простодушно призналась я и шмыгнула носом. – До чего же обидно, когда тебя гонят, едва завидев рыжие косы! Куда бы я ни пошла – меня встречают злоба и страх, а провожают подозрительные перешептывания. И все оттого, что мне не повезло уродиться красноволосой... Этого ничем не изменить ни мазями, ни молитвами, ни колдовством, ведь рыжина и самыми крепкими зельями не выводится – так мне сказала одна знахарка, а она знала в том толк!.. Но мне кажется, что найдись в мире хоть один человек, который отнесется ко мне по-доброму и всегда будет рядом, – злые взгляды остальных уже никогда не обидят так, как раньше!

– Если бы все было так просто, рыжая девочка, – вздохнул господин Огасто.

– Когда тебя любят – это всегда хорошо! – упрямо возразила я.

– Когда не можешь ответить любовью на любовь – это приносит множество несчастий, – ответил мужчина, и голос его прозвучал глухо.

Сам по себе этот разговор был настолько удивительным, что у меня дух перехватывало: сам светлейший герцог говорил со мной, точно я была ему равной. Последние же его слова и вовсе заставили мое сердце екнуть – мне показалось, что господин Огасто признался, будто не любит госпожу Вейдену!

– Но все может перемениться... – робко произнесла я, чувствуя, как замирает все мое нутро.

– Не может, если вся любовь уже отдана другой, – был ответ, и я едва не лишилась чувств, теперь уж окончательно уверившись, что гадалка с ярмарки не соврала.

К тому времени мы добрались до того самого пустыря, где я оставила свою корзину. Герцог помог мне спешиться, и, почувствовав касание его пальцев, я испугалась, как бы мое сердце не лопнуло от восторга. Забылась боль от ушибов – утвердительно кивнула, когда господин Огасто спросил, смогу ли я дойти до дому. Разумеется, никакого смысла отвечать иначе у меня не имелось – вернись я во дворец, восседая на коне его светлости, пищи для сплетен и пересудов таммельнцам хватило бы на десять лет вперед. И блаженство, которое я тогда испытывала, не помешало мне сообразить, что обстоятельства нашей второй встречи с господином Огасто нужно сохранить в глубочайшей тайне.

– Ваша светлость, – обратилась я к герцогу напоследок. – Прошу вас, не говорите моему дядюшке о том, что случилось сегодня. Я... я не приду сюда больше, обещаю вам.

Господин Огасто, вновь вернувшийся к своему обычному отстраненному виду, небрежно кивнул в ответ на мои слова и вскоре скрылся за деревьями. Я же, подняв трясущимися руками корзину, некоторое время стояла, подняв пылающее лицо к безоблачному небу, беззвучно вознося хвалу богам, а затем похромала в сторону предместья, не переставая блаженно улыбаться.

Дядюшка Абсалом, осмотревший вечером мою ногу, в очередной раз упрекнул меня в неловкости и глупости, но достал из потайного ящика мазь, которую обычно держал про запас и не тратил по пустякам. Я все еще не придумала, как лучше передать дядюшке слова его светлости, чтобы соврать при этом как можно меньше, – родственник мой, будучи записным вралем, чуял ложь за версту, но судьба снова решила мне пособить, хоть и не вполне приятным образом.

– Знаешь, Фейн, – начал дядюшка с озабоченным видом, – во дворце поговаривают, что ты слишком много бездельничаешь. Мне передали, что сегодня ты едва не сбила с ног Маделину, служанку ее светлости, и не подумала попросить прощения за свою грубость. Да, я знаю, что прочая челядь завидует тем, кто не марает руки черной работой, но нам не следует потворствовать этим сплетням. Уж тебе ли не знать, чем они могут обернуться?.. Довольно с тебя прогулок в одиночестве – приличной девице это не пристало. С завтрашнего дня ты будешь принимать здесь пациентов из числа слуг. Думаю, даже такая бестолочь, как ты, способна попасть пипеткой в ноздрю, ежели болящий жалуется на насморк... да и простуду с расстройством желудка ты не спутаешь, я полагаю. Хвори посложнее оставляй на мое усмотрение, но чай из ромашки все равно каждого заставь выпить – он никому еще не навредил... Паршу всякую руками не трогай, если же кто надумает здесь кашлять или харкать, гони в шею, но вежливо...

Дядюшкины напутствия я выслушивала до глубокой ночи, с тоской вспоминая, как чудесна была наша сегодняшняя встреча с господином Огасто. «Нет, все не может закончиться так просто! – говорила я себе, вздрагивая и чувствуя, как мурашки бегут по всему моему трепещущему телу. – Он почти признался, что любит меня! Иначе зачем бы ему вообще говорить со мной о своих чувствах? Все переменится, и через пару дней мы снова повстречаемся, иначе быть не может».

– Ты слышишь меня, Фейн? – сердился дядюшка Абсалом. – Я сказал, чтобы ты не брала мази из этого ящичка, если к тебе придет кто-то из судомоек или младших конюхов! А вот тот декокт с мятным вкусом – для господина управляющего и его семейства, да ниспошлют им боги крепкое здоровье!

– Да, дядюшка, – покорно отвечала я, видя перед собой только лицо герцога Огасто. – Декокт положен судомойкам, а господин управляющий и без него здоров будет божьим промыслом...

– Да ты никак не ногу ушибла, а голову! – всплеснул руками дядюшка Абсалом в величайшей досаде и принялся заново втолковывать мне, как разность положения слуг в герцогском замке влияет на способы их лечения.

Следующие недели показались мне расплатой за минуты счастья, выпавшие на мою долю. Челядинцы и их родичи, прознав о том, что теперь во дворце можно задешево излечить всякую хворь, при всякой возможности стучались в наши двери. Сам господин придворный лекарь за день принимал пару-тройку пациентов, большую часть времени находясь при госпоже Вейдене. Два раза я осмелилась его побеспокоить – из-за ребенка, посиневшего от удушья, и из-за глубокой нагноившейся раны на ноге одного из охранников,

об истории возникновения которой нам так ничего и не сказали, а дядюшка тут же пришел к выводу, что парни от скуки затеяли дуэль. Таким образом, я побывала в покоях герцогини по своему почину, и госпожа Вейдена дважды щедро одаривала меня.

В первый раз она надела мне на палец красивое серебряное колечко, а затем долго смеялась, увидев, что я ужасно сконфузилась – мне вновь довелось почувствовать себя какой-то глупой маленькой собачонкой, которую наряжают в платьица и треплют от умиления.

Во второй раз герцогиня отдала мне свою шелковую косынку, и опять я поцеловала ей руку, покраснев от стыда за то, что обманываю столь добрую госпожу. «Как можно надеяться на то, что господин Огасто обратит внимание на меня, если его супруга так красива и мила? – спрашивала я себя, возвращаясь в свою комнату. – Как можно предать госпожу, от которой я не видела ничего, кроме добра?» Но вскоре голос разума стихал, заглушенный куда более громкой и отчаянной песней, звучащей в моем сердце, и я вновь исступленно мечтала о том, чтобы вновь увидеть герцога хотя бы издали.

Но, увы, боги словно отмахнулись от моих просьб, посчитав их, наверное, однообразными и настырными, – в моей жизни не случилось ничего, кроме обычных рутинных дел. К виду всяческих фурункулов, лишаев и вросших ногтей я давно уж привыкла за то время, что помогала дядюшке Абсалому, однако теперь они казались мне еще более отвратительными. Иной раз мне думалось, что даже во время наших скитаний я чувствовала себя свободнее и счастливее, но тут же я мысленно задавала себе вопрос: «Хотела бы ты, Фейн, покинуть эту постылую комнату и никогда более не возвращаться в Таммельн?» – и с жаром отвечала на него: «О нет, теперь я никогда не буду счастлива, лишившись возможности видеть господина Огасто хотя бы изредка!»

Дядя Абсалом, которого миновали подобные душевные терзания, блаженствовал, за считанные недели превратившись в наперсника ее светлости, – дамы из свиты герцогини с восторгом выслушивали как его медицинские рекомендации, так и прочие басни, которыми он щедро их потчевал. Я стала замечать, что в дядюшке появился лоск, щегольство, да и плечи его расправились, точно он сбросил разом десять лет. Поблескивающие глаза и масляная улыбка выдавали то, что родственник закрутил роман с какой-то из придворных дам герцогини, быть может, с матушкой Харля, который последнее время отзывался о лекаре его светлости с большой неприязнью.

– Целыми днями угождает госпоже Вейдене, – бурчал мальчишка, помогая мне щипать корпию. – Теперь у матушки и ее пустоголовых подруг только и разговоров – господин Рав сказал вот то, господин Рав пошутил вот так... Тьфу! Наглый бродяга, возомнивший себя невесть кем, – вот кто твой дядюшка! Позабыл свое место!

Я молчала, ведь эти слова напоминали мне, что я и сама метила слишком уж высоко, полюбив господина Огасто, – а в то время я была уверена, что люблю герцога по-настоящему, чтоб до самой смерти больше ни на кого не взглянуть!..

– А что же его светлость? – спросила я словно невзначай. – Много ли времени проводит он со своей супругой?

За все эти дни мне только однажды удалось увидеть герцога из окна, да и то я не была уверена, он ли это или же кто-то из тех самых наемников, о распущенных и жестоких нравах которых меня не уставал предупреждать Харль.

– Хворь его светлости в разгаре, – хмуро ответил юный Лорнас. – Он уже два дня не покидает своих покоев, и пища, которую ему приносят, остается нетронутой. А что же делает господин лекарь? Он продолжает рассказывать скабрзные анекдоты да пришивать

золоченые галуны к своему камзолу! Разве не затем твоего дядюшку наняли, чтобы он излечил господина Огасто? Но если ты узнаешь о приступе герцога от меня, значит, господин Рав ни словом не обмолвился о том, что его пациент совсем плох!

Разумеется, я не призналась Харлю, по какой причине герцог принял на службу лекаря, хоть мальчишка и был моим единственным добрым приятелем во дворце. Но он был болтлив, да еще и дядюшку недолюбливал – откровенничать с ним было бы истинной глупостью.

– Дядя Абсалом не любит обсуждать болезни своих пациентов, даже со мной. Такие заболевания, как у господина Огасто, не лечатся быстро, – ответила я, невольно копируя интонации аптекаря. – Поспешность может оказаться губительной! Да к тому же на носу полнолуние. В это время душевные недуги всегда обостряются, какими бы крепкими микстурами ни потчевали больного.

– Это все потому, что зловредные духи при полной луне пакостят людям с двойным усердием, – заявил Харль с уверенным видом. – А в замке этой нечисти полным полно! Не вздумай ходить в одиночку по дворцу, пока светит полная луна, – непременно встретишь здешнего домового, а у него дурной характер...

– Ты сам-то его встречал? – с насмешкой спросила я.

– Еще чего! – замахал руками Харль. – Зачем мне смотреть на эдакую пакость? Он обычно шныряет по тайным ходам, что позабыты людьми, но на полную луну открыто бродит по коридорам и галереям со своим фонарем, от которого исходит зеленый свет, как от болотной гнилушки. Его логово – в заброшенной Восточной башне. Иногда ночью слышно, как он страшно воет с ее вершины – мороз по коже пробирает! Упаси меня боги с ним встречаться! Достаточно того, что он украл из моего тайника полукрону, а затем срезал с лучшей куртки нарядные пуговицы. Да еще перевернул чернильницу на мои тетради, пустил летучую мышь в комнату матушки, связал шнурки на моих ботинках так, что я едва сумел их распутать...

– Полукрону украл кто-то из твоих дружков, так же как и ты сам украл ее у какого-то лоботряса, – рассудительно ответила я. – Пуговицы отгрызли крысы – их здесь полно, а чернильница опрокинулась из-за сквозняка... Что же до летучей мыши – уж не сам ли ты притащил ее в ваши с матушкой покои, а затем не уследил за нею?

Харль самую малость покраснел, но лишь буркнул что-то неразборчивое в ответ.

– А шнурки у тебя и сейчас запутаны, точно хвост у беса, – завершила я свою речь.

– Домовой существует! – обиженно воскликнул Харль, не выносивший, когда я высмеивала его выдумки, но упорно продолжавший меня ими потчевать из духа противоречия.

– А господин Огасто – морской дьявол, – с презрением отмахнулась я от его слов. Харль, пожившись, с опаской осмотрелся – все же юный сплетник побаивался, что его истории дойдут до господских ушей, а затем, убедившись, что нас никто не подслушивает, с жаром принялся доказывать, что я запомнила все совсем не так, как он рассказывал.

Не успел он толком увлечься, как в дверях показалась девица, служащая на кухне, – ей нужно было наложить мазь на ошпаренную руку, а затем появился псарь, свежие укусы на теле которого никогда не переводились, и мальчишка тихонько юркнул в приоткрытые двери. Госпожа Эрмина Лорнас уже разузнала, что ее сын околачивается при племяннице лекаря, и сурово отчитывала его по пять раз на день, посчитав, видимо, что в ее семействе пристрастием к врачеванию (и врачевателям) должен отличаться кто-то один. Разумеется, этого было недостаточно для того, чтобы отвадить Харля от лекарских покоев, но мальчишка

хорошо знал, как быстро расходятся слухи по дворцу, и справедливо полагал, что от глаз служанки до ушей его матери расстояние крайне невелико.

Следующий день грозил в точности походить на предыдущие, и я с тоской взбалтывала тяжелые пузатые бутылки, где настаивались болеутоляющие и отхаркивающие средства. Дядюшка Абсалом, неторопливо и с удовольствием позавтракав, направился к госпоже Вейдене засвидетельствовать свое почтение и спросить, успокоили ли ароматические свечи ее головные боли, а я вновь осталась ожидать искусанных, простуженных и ошпаренных пациентов. Харль не показывался, видимо, не сумев этим утром сбежать от своего наставника, и мне не досталось привычной порции свежих утренних сплетен, служивших нам скромным развлечением.

Каково же было мое изумление, когда в дверях показалась одна из личных служанок госпожи Вейдены, передавшая мне распоряжение немедленно явиться пред очи ее светлости. Кровь сначала отхлынула от моего лица, а затем я покраснела как вареный рак – мне подумалось, что госпожа Вейдена прознала о том, что я вела тайные беседы с ее супругом. Служанка герцогини ничего мне не пояснила, и я, торопливо забинтовав исцарапанные руки младшему садовнику, пришедшему за несколько минут до девушки, проследовала в покои ее светлости.

Комнаты, где проводила свои дни госпожа Вейдена, окруженная скучной и крайне добропорядочной свитой, занимали самую светлую часть дворца – герцогиня любила вышивать и посвящала этому занятию много времени. Хоть старый дворец и не походил, по ее собственным словам, на резиденцию короля Горденса в Лирмуссе, юная госпожа Таммельна постаралась придать мрачному древнему строению легкомысленное очарование, свойственное богатым столичным домам. Пол в тех покоях, куда мне приказали явиться, был покрыт пестрым ярким ковром, поверх которого лежало множество подушек с золотыми кистями – на них полагалось небрежно и изящно сидеть, но видно было, что таммельнским дамам это искусство давалось нелегко. Одна госпожа Вейдена облакачивалась на гору подушек, не умаляя этим своего внешнего достоинства, но дополняя его прелестью юной гибкости. Позы остальных женщин выглядели неловко и скованно – фрейлины напряженно следили, чтобы длинные плотные подола их нарядов прикрывали ноги до самых носков туфель, при этом пытаясь сохранить гордую осанку. Я не сразу заметила дядюшку Абсалома – он восседал на целой стопке подушек, но за пышными юбками окружавших его собеседниц господина лекаря разглядеть удавалось с трудом.

– Милая Фейнелла, вот и ты! – ласково обратилась ко мне госпожа Вейдена, и я незаметно перевела дух – вовсе не так обратилась бы ко мне герцогиня, заподозри она меня в дурных намерениях.

– Ваша светлость, чем я могу вам служить? – с поклоном обратилась я к ней, чуть осмелев.

– О, я позвала тебя совсем не для этого! – рассмеялась герцогиня, и смех этот подхватили некоторые из ее дам, что мне не понравилось. – Напротив, тебя ожидает награда за то, как ты нам всем услужила, помогая своему дяде! Господин Рав не устает повторять, что без племянницы не справился бы со своими обязанностями. Я не так уж часто вижу тебя, милая Фейнелла, но зато знаю все о чаяниях твоего дядюшки, связанных с тобой. Разумеется, я оказала им всяческое содействие, тем более что задача была воистину приятной...

Свита герцогини опять захихикала, не давая мне возможности хоть на минуту вернуть лицу естественный цвет – я становилась все краснее и краснее, но это, как мне показалось,

искренне веселило всех присутствующих.

– Итак, решено, – госпожа Вейдена хлопнула в ладоши и на мгновение показалась мне юной девочкой, куда младше меня самой, вроде тех, что все еще играют в куклы. – Ты выйдешь замуж за младшего сына господина Кориуса, Мике! Я дам за тобой хорошее приданое из собственной казны в знак безграничной признательности, которую я испытываю к твоему дядюшке. Разве это не чудесно?!

Господин Кориус был мажордомом дворца и считался третьим по важности человеком во владениях герцога Таммельнского, пусть даже особым благородством происхождения похвастать он не мог. Управление замком было доверено этому верному, добросовестному человеку еще старым герцогом, о котором мне рассказывал Харль. Новые же господа не пожелали принять из его рук бразды правления – герцог Огасто с каждой неделей все глубже погружался в пучину своей странной душевной хвори, а госпожа Вейдена была слишком юна для того, чтобы разбираться в запутанных хозяйственных делах.

Все понимали, что дядюшка Абсалом смог в столь быстрые сроки сравняться во влиянии с таким важным господином, как Петор Кориус, благодаря причуде его светлости и доверчивости герцогини. Подобный фундамент благополучия являлся крайне непрочным, но мой брак с одним из сыновей мажордома укрепил бы его, показав, что господин лекарь стал неотделимой частью этого дома. Оставалось только догадываться, сколько энергии и усилий затратил дядя для того, чтобы в считанные дни устроить мою помолвку с одним из младших отпрысков Кориуса, и мне следовало бы радоваться без памяти столь удачному замужеству, но... то было честью для Фейнеллы Биркинд, одной из многочисленных дочерей даленштадтского семейства Биркинд, едва сводящего концы с концами, сколько оно себя помнило. Для Фейн, которую еще недавно называл милой рыжей девочкой сам господин Огасто, грядущая свадьба с каким-то Мике Кориусом оказалась страшной из бед, которые когда-либо обрушивались на ее голову.

Должно быть, выражение моего лица смутило госпожу Вейдену, не отличавшуюся особой пронизательностью в силу молодости и легкого характера. Дядюшка Абсалом, заметив, что на лице герцогини отразилось недоумение, переходящее в разочарование, торопливо попросил прощения у всех присутствующих дам и, схватив меня за руку, поволок в наши покои.

– Что за кислое лицо? – напустился он на меня, едва дверь закрылась за нашими спинами. – Глазам своим не верю! Я из шкуры вон едва не выпрыгнул, устраивая этот брак, а ты даже не поблагодарила госпожу Вейдену! Без ее вмешательства старый Кориус нипочем бы не согласился женить своего сына на бесприданнице! Неужто ты настолько глупа, чтобы не понять, какая это неслыханная удача – породниться с управителем такого огромного имения?!

– Я не желаю выходить замуж за Мике Кориуса! – угрюмо и твердо ответила я.

– Ты обезумела! – вскричал дядя, схватившись за голову. – Чем Кориус-младший плох для тебя?

– Я знать не знаю этого Мике, – ответила я, мрачней.

– Так узнай, прежде чем воротить нос! – воскликнул дядюшка Абсалом, сердившийся все сильнее.

– Я не люблю его, – стояла я на своем, чувствуя, как горячие слезы жгут мне глаза.

– Значит, полюбишь! – в сердцах воскликнул дядюшка. – Тоже мне, сложность для девицы семнадцати лет!

– Не полюблю, – произнесла я едва слышно, поскольку горло мне сдавили рыдания.

– Откуда тебе знать... – начал было дядюшка, но осекся, а затем побагровел от гнева. –

Так вот оно что! Ты, вертихвостка, уже завела с кем-то шашни! И кто же, позволь узнать, глянулся тебе больше сына старого Кориуса? Что за бездельник тебя охмурил? Фейн, хоть ты пустиголова, как и все девчонки, но ранее я думал, что у тебя хватит соображения не прошляпить выгодный брак – ведь ты сама видела, как живет твой сестрам, вышедшим замуж как на подбор за каких-то мелких проходимцев! Сколько я вбивал тебе в голову – смотреть нужно всегда вверх, иначе и не узнаешь, что есть в жизни что-то лучшее, чем та грязь, по которой ступают твои ноги. И мне казалось, что уж этому я сумел тебя научить... Но что я слышу теперь – ты противишься помолвке с Мике Кориусом! Я бы понял, если бы ты метила выше, но...

И тут я предательски покраснела так, что дядюшка снова умолк, теперь уж побелев.

– О нет, – промолвил он в ужасе. – Только не это!

– Дядюшка, выслушайте меня... – попыталась я обратиться к нему, но попытки мои были тщетны – дядя Абсалом был испуган всерьез.

– Ты хочешь погубить меня во второй раз, – потрясенно промолвил он, оседая на один из стульев. – Мне пришлось бежать из Олорака, оставив за спиной пепелище, лишь потому, что я поддался уговорам твоей матушки и согласился принять тебя в своем доме. Я подумал, что раз уж бездетен, то в глазах богов и людей будет достойным поступком взять под опеку юное дитя, родители которого не в силах поставить его на ноги. Так, по меньшей мере, я объяснял свой поступок вслух, ведь стоило кому-то прознать про истинную причину, по которой твои родители решили с тобой расстаться, – и вновь вокруг тебя начали бы множиться суеверные страхи. Ты и сама знаешь, что немногие согласились бы принять тебя в свой дом. Но мне всегда казалось, что ты смысленнее своих сестриц, да и матушку умом значительно превосходишь, оттого я и проникся жалостью к твоей судьбе. Мне полагалось догадываться, что ничем добрым это не закончится, но... Не знаю, решился бы я стать твоим опекуном, если бы мне сказали, что не пройдет и пяти лет, как мою лавку сожгут, а меня с позором изгонят из городка, где я прожил почти всю свою жизнь. Отрекся ли я от тебя в сердцах? Отослал ли к тетушке в Прадейн? Укорил ли за то, что моя прежняя спокойная жизнь была разрушена?.. Нет, я понимал, что хоть ты и стала причиной бед, обрушившихся на мою голову, но не была в них виновна. Все это время мы искали теплый угол, чтобы остановиться и вернуться к обычаям прежней жизни, пусть надежды на то почти не имелось – люди редко оправляются после такого падения. И вот благодаря милости богов мы очутились в настоящем дворце! Я и мечтать не смел о том, что когда-то получу должность лекаря при знатном господине! Разве ты не понимаешь, что подобный шанс выпадает один раз и далеко не каждому? Мы должны любой ценой сохранить это положение!

Я кивнула, с трудом сдерживая слезы. Дядюшка Абсалом говорил чистую правду – все произошло именно так, как он рассказывал. Из-за того, что он проявил сочувствие к своей младшей племяннице, его жизнь была уничтожена, и некогда преуспевающий аптекарь стал бродягой, ярмарочным шарлатаном...

– Герцогиня не простит нас, если узнает, что ты завела интрижку с ее муженьком, – дядя понизил голос, но видно было, что произнести страшную правду вслух стоило ему немалых усилий. – Это чернейшая неблагодарность, и расплата за нее будет жестокой. Ну-ка говори, давно ли ты сошлась с герцогом?

Мне пришлось рассказать о наших коротких встречах, и лицо дядюшки Абсалома

несколько просветлело.

– Так значит, дело не зашло дальше разговоров? – переспросил он и, дождавшись моего унылого кивка, с удовлетворением сказал: – Ну-с, все не так страшно, как я думал. Ты просто вбила себе в голову какую-то чушь, а с господина Огасто и вовсе спросу никакого – он нездоров душевно, потому может вести такие беседы и со своей лошадью. Хвала богам, что я узнал о твоих проделках до того, как это зашло слишком далеко! Ну что ж, теперь я уверен как никогда – тебя нужно как можно быстрее выдать замуж за Кориуса-младшего, пока ты не натворила бед.

– Нет! – закричала я, теперь уж дав волю слезам. – Я не хочу замуж!

– Еще бы! – взъярился на меня дядя. – Ты хочешь стать любовницей герцога! Распутной девкой, в которую все тычут пальцами! Нечестивой шлюхой, перед которой закрыты двери всех приличных домов! Или ты надеешься, что пойдешь под венец с самим господином Огасто? Что он отошлет свою жену обратно в столицу, вытребует развод... или тайно придушит супругу, а затем женится на какой-то бродяжке без роду, без племени?

Я упрямо молчала.

– Фейн, я не хотел заводить с тобой этот разговор, но ты меня вынуждаешь. Его светлость... он и впрямь серьезно болен. Вчера я видел его, и признаки неутешительны как на подбор. Мы очутились между молотом и наковальней – я не взялся бы его излечить, пусть бы он на то согласился, а он к тому же лишь притворяется, будто придерживается моих предписаний. Остается уповать на волю высших сил – если он излечится, то только по их благословению. Кто знает, простит ли нас герцогиня, если поймет, что состояние его светлости ухудшается? А если он, тьфу-тьфу-тьфу, преставится? Я смогу спасти свою седую голову, если к тому времени герцогиня будет мне доверять безоговорочно – и я всеми силами нынче пытаюсь втереться к ней в доверие. А ты... ты наносишь мне удар в спину, так и знай. Мало нам имеющихся бед... Иди под венец с Кориусом-младшим, если не хочешь нас погубить! Забудь свои бредни!

– Мне не нужен никто другой! – прошептала я, всхлипывая и заикаясь.

– Вон! Марш в свою комнату и не смей оттуда выходить! – терпение дядюшки Абсалома иссякло. – Я отправлюсь к герцогине и скажу, что свадьбу нужно устроить как можно скорее! А если узнаю, что ты вновь пыталась встретиться с господином Огасто, то... то... прогоню от себя, так и знай!

Он втолкнул меня в маленькую комнатку, служившую мне личной спальней, и закрыл дверь на засов – я слышала глухой скрежет петель.

Теперь уж я дала волю чувствам и рыдала так громко и самозабвенно, что не сразу услышала, как меня зовет Харль.

– Что произошло? – спросил он, когда я подошла к дверям, все еще поскуливая и шмыгая носом. – Я слышал, что тебе сегодня полагается быть счастливейшей из девиц этого дворца, но не слишком-то это похоже на проявления радости...

– Харль, – я припала к двери, торопливо утирая слезы. – Выпусти меня отсюда! Мне нужно поговорить с... одним человеком!

– Раз засов опустил твой дядя, то мне ли его подымать? – преувеличенно рассудительно ответил вредный мальчишка.

– Только не изображай, будто ты так считаешь моего дядюшку, что не решишься его огорчить! – со злостью огрызнулась я, но тут же вернулась к умоляющему тону. – Прошу тебя, отопри дверь! Моя судьба решается сегодня, а мне самой и слова не дали сказать...

– Мике Кориус – славный парень, хоть и косоват, – с затаенной насмешкой заметил Харль.

– Провалиться ему к бесам, – возопила я. – Я не припомню, видела ли его хоть раз! Этой свадьбе не бывать, клянусь!

– И кто же помешает ей состояться? – продолжал измываться надо мной мальчишка, наслаждавшийся мимолетной властью надо мной.

– Это не твое дело! – вспыхнула я. – Выпусти меня и... и узнаешь, когда придет время!

О, какой же решительной и смелой я казалась себе в ту минуту! Я готова была растоптать свою жизнь, порушить будущее дядюшки Абсаломы и смиренно принять все проклятия, которыми он меня заслуженно наградил бы. «Пускай, пускай! – говорила я, воображая, что душу мою обжигает темное пламя, требующее жертв и безумств. – Ничто не имеет смысла, если я не буду рядом с господином Огасто! Пусть меня ненавидят, презирают, но одна-единственная минута счастья стоит любого наказания».

Когда я услышала, что Харль отпирает дверь, глаза мои заволокла жгучая пелена, дыхание сбилось, а живот от волнения свело судорогой. Я ринулась в дверь, оттолкнув мальчишку, и побежала к библиотеке, не видя ничего вокруг себя и не отдавая отчета в том, как выгляжу – растрепанная, заплаканная, в измятом, перекосившемся платье.

У библиотеки решимость покинула меня, и я замерла, страхась постучаться. Мне вспомнилось, как госпожа Вейдена говорила, что ей одной разрешалось беспокоить герцога, когда он уединялся здесь. Но ведь то, на что я решилась, в какой-то мере означало занять место ее светлости около господина Огасто, а для этого требовалось куда больше дерзости. Я мотнула головой, отгоняя предательскую слабость, и уверенно постучалась. Некоторое время я прислушивалась, ожидая ответа, но мой обостренный слух не уловил никакого шороха, вздоха или скрипа. Превозмогая страх, приоткрыла дверь.

Не сразу я заметила господина Огасто, хоть он и сидел едва ли не напротив двери – за тем же столом, где я увидела его в первый раз. Его странная изломанная поза поневоле внушала мысль, что передо мной нечто неживое и никогда живым не бывшее, – иначе я бы сразу подумала, будто человек за столом мертв или находится в глубоком обмороке. Но нет, мои глаза обманулись и дважды скользнули по темному силуэту, прежде чем я поняла, что герцог все же здесь, как и говорил Харль.

– Господин Огасто, – позвала я дрожащим голосом, – ваша светлость!

[Купить полную версию книги](#)